

М. В. ТЕПЛИНСКИЙ, Б. Н. БУРЯТОВ

А. П. ЧЕХОВ НА САХАЛИНЕ

Книжная редакция
„Советский Сахалин“
1957 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Миллионы читателей во многих странах знают и любят произведения великого русского писателя Антона Павловича Чехова.

Люди доброй воли, стремящиеся к миру, свободе, счастью, с благодарностью вспоминают имя одного из великих сынов русского народа, отдавшего свою жизнь и свой замечательный талант борьбе с удушливой обстановкой российской действительности 80—90 гг. прошлого века, с ее реакцией, пошлостью, дикостью, хаосом и произволом.

Особенно дорог и близок А. П. Чехов советским людям, которые любят писателя как патриота земли русской, как национальную гордость русского народа, как провозвестника счастливого будущего родной страны, как обличителя страшных пороков старого мира, как писателя, зовущего к новому миру, к светлой, красивой жизни труда и созидания.

Веру в прекрасное будущее, в победу разума и света пробуждали и пробуждают сейчас замечательные творения Чехова, утверждающие право человека на свободную, счастливую и независимую жизнь.

Вместе со всем советским народом высоко ценят произведения А. П. Чехова трудящиеся Сахалинской области, для которых великий писатель дорог еще и тем, что в черную годину реакции и безвременья он совершил свой беспримерный для того времени подвиг — посетил наш остров и поднял свой могучий голос протеста против преступлений самодержавия. чинимых им на Сахалине.

В советском литературоведении является общепризнанным

то огромное значение, которое имела поездка на Сахалин в жизни и творчестве Антона Павловича Чехова. Между тем, среди многих работ о Чехове фактически нет ни одной, которая специально была бы посвящена исследованию основных вопросов, связанных с знаменитым путешествием великого писателя. Авторы ставили своей целью восполнить этот пробел в литературе о Чехове.

В работе над книгой был использован рукописный материал, хранящийся в Центральном Государственном архиве литературы и искусства (г. Москва), рукописном отделе Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (г. Москва) и Центральном Государственном архиве РСФСР Дальнего Востока (г. Томск). В результате архивных розысканий были обнаружены пять неизвестных писем и телеграмм А. П. Чехова, связанных с его сахалинским путешествием.

Книга состоит из восьми глав, в которых идет речь о подготовке писателя к путешествию, пребывании на острове, создании «Острова Сахалина».

Особое место уделено анализу сахалинских очерков Чехова, выяснению их общественно-политического и литературного значения, вопросу об отражении сахалинских впечатлений в художественном творчестве писателя.

В последней главе рассказывается о связях Чехова с жителями далекого острова после его возвращения домой, о помощи писателя сахалинским школам.

Заключение посвящено краткому описанию современного состояния Сахалинской области.

1. ПРИЧИНЫ ПОЕЗДКИ ЧЕХОВА НА САХАЛИН

Первый период творческого пути Антона Павловича Чехова — великого русского писателя и драматурга — относится к 80-м годам XIX в. В 1880 г. появилось в печати первое его произведение. Прошло около десяти лет, и безвестный сотрудник различных юмористических журналов превратился в замечательного писателя, признанного и любимого передовым русским обществом.

К концу 1880-х годов Чехова уже заметили и по достоинству оценили и старшие товарищи по литературе, он уже автор таких замечательных произведений, как «Унтер Пришибеев», «Степь», «Скучная история» и многих других. Но именно в это время в письмах Чехова начинают все сильнее и сильнее звучать нотки неудовлетворенности своим творчеством. Ему хочется вырваться из сферы чисто литературных интересов, лучше узнать русскую жизнь, заняться каким-то «серьезным трудом».

Писатель, чувствуя свою великую ответственность перед народом, стремился принести ему реальную пользу, найти свое место в жизни, найти правильный ответ на вопрос «что делать».

Так подходил Чехов к мысли о поездке на Сахалин, мысли, которая на первых порах показалась его родным и знакомым неожиданной и даже глупой.

Между тем, поездка Чехова на Сахалин и его кипучая деятельность на острове не были загадочны или необъяснимы. Это путешествие и его последствия — своеобразный гражданский, патриотический подвиг А. П. Чехова, вполне закономерный в общем развитии его биографии и творчества. Далеко не случайно

то обстоятельство, что мысль об этой поездке зародилась у писателя в конце 80-х годов. Это были годы роста рабочего класса и его политического самосознания, с одной стороны, годы черной реакции, возглавляемой Александром III, Победоносцевым, Катковым, — с другой. Контрреволюционные реформы Александра III вызвали растерянность, апатию в среде мелкой буржуазии и интеллигенции.

А. П. Чехов видел необходимость активизировать современное ему апатичное общество изображением не только людей, преодолевающих в себе «рабские черты», но и «людей подвига, веры, ясно осознанной цели». Чехов придавал «громадное воспитательное значение» для современного ему общества личного примера, «подвижничества». В своем некрологе о Н. М. Пржевальском (1888 г.) Чехов писал: «В наше больное время, когда европейскими обществами обуяла лень, скука жизни и неверие, когда всюду в странной взаимной комбинации царят нелюбовь к жизни и страх смерти, когда даже лучшие люди сидят, сложа руки, оправдывая свою лень и свой разврат отсутствием определенной цели в жизни, подвижники нужны, как солнце». (VII, 477)*. И это убеждение сыграло большую роль в созревшем в конце 80-х годов его решении предпринять поездку на Сахалин.

Поездка на Сахалин и связанная с ней подготовка явились закономерным результатом всей предшествующей деятельности писателя и ответом на вопрос: как быть и что делать передовой русской интеллигенции в затхлой тюремной обстановке 80-х годов прошлого века.

Конечно, мы не вправе забыть и о причинах личного характера, побудивших Чехова изменить на время обычную обстановку (смерть брата, талантливое художника Николая, тяжело переживавшаяся писателем). Но это не должно заслонить от нас главного, о чем очень хорошо сказал М. А. Шолохов, выступая на XX съезде КПСС: «Чехов, даже будучи тяжело больным, на-

* Ссылки на произведения А. П. Чехова даются по «Полному собранию сочинений и писем» писателя (тт. I—XX, Гослитиздат, М., 1944 — 1951) в самом тексте работы сокращено: римская цифра означает том, арабская — страницу.

В книге используются письма к Чехову, хранящиеся в архиве писателя (Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, фонд 331). Ссылки на материалы из этого архива даются также сокращенно в тексте — указывается лишь шифр писем согласно архивной описи и обозначение архива (ЛБ). Остальные примечания — в конце книги.

шел в себе силы и, движимый огромной любовью к людям и профессиональной писательской настоящей любознательностью, все же съездил на Сахалин»¹⁾).

Почему именно к Сахалину были обращены взоры Чехова? Что хотел узнать, увидеть и вскрыть великий писатель на этом далёком и «бесполезном» острове, превращенном самодержавием с 1858 года во всероссийскую каторгу? Замечательный ответ на эти вопросы дает сам А. П. Чехов в письме к Суворину:

«...Вы пишете, что Сахалин никому не нужен и ни для кого не интересен. Будто бы это верно?... Не дальше, как 25—30 лет назад наши же русские люди, исследуя Сахалин, совершали изумительные подвиги, за которые можно боготворить человека, а нам это не нужно, мы не знаем, что это за люди, и только сидим в четырех стенах и жалуемся, что бог дурно создал человека. Сахалин — это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный... Из книг, которые я прочел и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников и все это свалили на тюремных, красноносых смотрителей. Теперь вся образованная Европа знает, что виноваты не смотрители, а все мы, но нам до этого дела нет, это неинтересно... Нет, уверяю Вас, Сахалин нужен и интересен, и нужно пожалеть только, что туда еду я, а не кто-нибудь другой, более смыслящий в деле и более способный возбудить интерес в обществе...» (XV, 29—30.)

Некоторые биографы А. П. Чехова неправильно объясняли причину поездки писателя на Сахалин то скукой смертельной и желанием проветриться, то исключительно стремлением писателя встретить такие два-три дня, о которых он будет вспоминать всю жизнь с восторгом или горечью. Такое поверхностное объяснение нельзя признать убедительным.

✓ Писатель лучше других понимал, что Сахалин, «милостью» самодержавия превращенный в каторгу, представляет собой остров ужасов и смерти, и что ему неизбежно придется не только столкнуться с концентрированным выражением в одном месте этих ужасов, но и рассказать русскому обществу правду об этих всевозможных человеческих страданиях и мучах.

А. П. Чехов знал, что его поездка на Сахалин — это большая ответственность перед народом, ибо вместе с другими пере-

довыми людьми России прошлого века писатель чувствовал и свою личную ответственность за все преступления самодержавия.

Нельзя не вспомнить, в связи с этим, критику В. И. Лениным либералов за их приспособление к мерзости царской России, за их помощь царскому правительству в политическом развращении населения, когда либералы ослабили «...и без того бесконечно слабое в русском обывателе сознание своей ответственности, как гражданина, за все*, что делает правительство»²⁾).

Были еще и другие причины для поездки Чехова на Сахалин. Писателю в его ненасытной жажде познания родины, своего народа необходимо было проделать десяти тысячноверстный путь с Запада на Восток, чтобы увидеть своими глазами жизнь народа на окраинах, познакомиться с множеством встречающихся ему на длинном пути людей. И, наконец, писатель своим путешествием хотел дать достойную отповедь буржуазно-либеральной критике, которая, стремясь исказить подлинный идейный смысл произведений великого русского писателя, неоднократно обвиняла его в «аполитичности», «пассивности», «беспринципности» и т. д.

А. П. Чехов, обычно не отвечавший критикам, лишь один раз выступил против подобных ложных обвинений. Это было как раз перед его поездкой на Сахалин. Обращаясь к редактору журнала «Русская мысль», А. П. Чехов 10 апреля 1890 года писал: «На критики обыкновенно не отвечают, но в данном случае речь может быть не о критике, а просто о клевете. Я, пожалуй, не ответил бы и на клевету, но на днях я надолго уезжаю из России, быть может, никогда уж не вернусь, и у меня нет сил удержаться от ответа.

Беспринципным писателем или, что одно и то же, прохвостом я никогда не был» (XV, 52).

Поездка Чехова на Сахалин, о которой он упоминает в этом письме, была лучшим ответом на клевету либеральных журналистов.

Таким образом, писатель ставил перед собой вполне конкретную патриотическую и благородную цель: возбудить интерес в обществе, т. е. напомнить русскому обществу, что Сахалин открытый, исследованный и закрепленный за Россией славными

* Курсив В. И. Ленина. В дальнейшем, за исключением специально оговоренных случаев, всюду курсив авторов.

ее сынами — Г. И. Невельским, Бошняком, Корсаковым и др. — крайне нужен и интересен своими природными богатствами и стратегическим положением. Кроме того, Чехов своим посещением Сахалина хотел создать определенное общественное мнение против невежества, деспотизма, глупости и произвола царизма, который не сумел сделать ничего умнее, как превратить «остров сокровищ» в место невыносимых страданий и мук, в каторгу.

2. ПОДГОТОВКА К ПУТЕШЕСТВИЮ

Сестра писателя, Мария Павловна Чехова, в своих воспоминаниях о поездке А. П. Чехова на Сахалин писала, что уже с осени 1889 г.³⁾ Антон Павлович начал готовиться к длительному и трудному путешествию. «Тогда ходили слухи о тяжелом положении ссыльно-каторжных на острове Сахалине. Возмущались, роптали, но тем и ограничивались, и никто не предпринимал никаких мер. О правительстве нечего было и говорить. Молодой и пылкий Антон Павлович не мог сидеть спокойно в то время, когда знал, что в ссылке мучаются люди. Он решил ехать туда. Помню, как загорелись глаза у всех членов нашей семьи и как все были горды тем, что Антоша затеял такую работу. Одна мать скорбела, но старалась не показывать своей печали и весело участвовала в сборах. Закипела работа, все стали помогать будущему путешественнику, кто чем мог. Мне назначена была работа ходить в тогдашнюю Румянцевскую библиотеку и списывать там из разных источников статьи, касавшиеся о. Сахалина и ссыльных. Много и терпеливо я писала, пришлось даже привлечь к этому делу подруг, отец и братья тоже не сидели сложа руки, а исполняли разные поручения писателя»⁴⁾.

Но, разумеется, больше всех приходилось работать самому Чехову.

Подготовка А. П. Чехова к этой поездке могла бы составить честь для любого ученого-исследователя.

Писатель в течение почти полугода с научной обстоятельностью добросовестно изучал сотни книг по самым различным отраслям науки — по истории и биологии, по этнографии и геологии, по географии, тюремоведению, метеорологии, уголовному

праву, сельскому хозяйству и т. д. С утра и до глубокой ночи просиживал великий писатель над науками, многие из которых им впервые изучались и которые должны были помочь ему выполнить с честью свой высокий патриотический долг перед Родиной.

Сложность вставшей перед Чеховым задачи заключалась в том, что к очень многим опубликованным работам необходимо было проявить сугубо критическое отношение. Чехов это прекрасно сознавал, о чем свидетельствует его письмо к брату Александру 25 февраля 1890 г.: «Статьи писались или людьми, никогда не бывавшими на Сахалине и ничего не смыслящими в деле, или же людьми заинтересованными, которые на сахалинском вопросе и капитал нажили, и невинность соблюли, Храбрость первых и уловки вторых, как элементы затемняющие и тормозящие... отлично характеризуют отношение нашего общества вообще к делу, а к тюремному в частности» (XV, 22—23).

Несмотря на шуточные жалобы («Целый день сижу, читаю и делаю выписки. В голове и на бумаге нет ничего, кроме Сахалина. Умопомешательство. *Mania Sachalinosa*» — XV, 17), Чехов с интересом относился к своей работе.

16 марта 1890 г. он писал брату великого композитора — М. И. Чайковскому. — «Я сижу безвыходно дома и читаю о том, сколько стоил сахалинский уголь за тонну в 1863 г. и сколько стоит шанхайский, читаю об амплитудах и NO, NW, SO, и прочих ветрах, которые будут дуть на меня, когда я буду наблюдать свою собственную морскую болезнь у берегов Сахалина. Читаю о почве, подпочве, о супесчанистой глине и глинистом супесчанике. Впрочем, с ума еще не сошел...» (XV, 36).

Еще до отъезда Чехов начал уже писать вступление — «историю исследования», и сам остался доволен началом работы (см. XV, 25).

Однако, наряду с напряженным трудом по изучению различных статей и материалов, касающихся Сахалина, Чехова не переставали волновать и другие вопросы. Дело в том, что попасть на Сахалин — остров каторги — для человека, не имеющего никакого отношения к тюремной администрации, было очень трудно. Чехов порою сомневался — дадут ли ему возможность вообще сойти с парохода на остров — может быть, просто вернуть обратно?

Поэтому он решил добыть в Петербурге какую-либо офи-

циальную бумагу, которая давала бы ему право пребывания на острове.

С этой целью писатель несколько раз посетил начальника Главного тюремного управления Галкина-Враского и даже написал ему специальное письмо, в котором просил оказать «возможное содействие» (XV, 9). Однако Галкин-Враский не удовлетворил желания Чехова. Мало этого, как выяснилось после Великой Октябрьской социалистической революции, когда стал доступен архив Главного тюремного управления, он направил на Сахалин секретное предписание не допускать Чехова до встреч с некоторыми категориями политических ссыльных и каторжников (см. XV, 464)⁵.

Между тем, среди знакомых Чехова распространился слух (исходивший от брата писателя — Михаила), что Чехов отправляется на Сахалин «от министерства внутренних дел для осмотра чего-то» (XV, 468).

Писатель с характерным для него юмором отвечал на подобные выдумки: «Что же касается 35000 курьеров, которые скакали ко мне из министерств, чтобы пригласить меня в генерал-губернаторы о. Сахалина, то это просто чепуха» (XV, 16).

Чехову пришлось отправляться в путешествие, вооруженному, как он сам иронически писал, «одним только паспортом и ничем другим» (XV, 57). Правда, во время поездки у Чехова был и корреспондентский билет газеты «Новое время», однако, билетом этим он нигде не пользовался.

* * *

Слухи о готовящейся поездке Чехова на Сахалин возбудили многие толки в литературных кругах. Знакомые и друзья писателя всячески поддерживали это его намерение. Так, например, известная в свое время актриса К. А. Каратыгина написала Чехову огромное письмо на 32 больших страницах, где рассказывала о своем пребывании в 80-х годах на Сахалине, о выступлениях в Корсакове («оазисе Сахалина», по ее словам) и т. д. (ЛБ, п. 47, ед. 13).

Многие сибиряки, узнав о намерении Чехова ехать через Сибирь, предлагали дать ему рекомендательные письма (об этом сообщила Чехову издатель журнала «Северный вестник» А. М. Евреинова — ЛБ, п. 61, ед. 25).

Очень важно отметить, что Чехову хотел помочь В. Г. Короленко, живший тогда в Нижнем Новгороде. Интерес Короленко к поездке Чехова вполне понятен — ведь он сам несколько лет прожил в ссылке в самых отдаленных уголках Сибири. Поэто-

Дружескому другу Павлову

Сержант Висс. Талантович /офранцуз,
и Вам с просьбой, не забудьте и ма-
маю, если Вы найдете ^{свое} место.
Адрес: Канатная ул. 8. Леско
Как человек проживший много лет
в Сибири он мог бы многое поучить
Вам как своим опытом, так
и рекомендацией с талантом своим
знанием, которого у него много.
Кроме того он знает Кононов
По его словам это в настоящее
время честный и справедливый че-
овек. Правда, он грубоват, но среди
среды грубых людей - далеко не та-
ким по природе он, он сговорчив
и сердечен. Вообще Владимир
Талантович в разговоре

Первая страница письма Р. Чагина А. П. Чехову. Государствен-
ная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Публикуется впервые.

му он считал, что сможет быть полезным будущему путешественнику. Его секретарь — Р. Чагин — писал Чехову: «Короленко (Владимир Галактионович) обращается к Вам с просьбой «не обойти шалаша его», если вы поедете через Нижний... Как человек, проживший много лет в Сибири, он мог бы быть полезен Вам как своими указаниями, так и рекомендацией к тамошним своим знакомым, которых у него много» (ЛБ, п. 62, ед. 1).

К сожалению, письмо это, отправленное 22 апреля 1890 года, уже не застало Чехова в Москве.

Хорошие знакомые и друзья А. П. Чехова придавали большое значение его будущему путешествию, надеясь, что поездка Чехова на Сахалин не только даст темы для его новых художественных произведений, но и будет содействовать росту сознания писателя.

Друг Чехова, беллетрист и драматург Иван Щеглов (Леонтьев) писал 20 марта 1890 г.: «То, что Вы едете на Сахалин — очень хорошо и дельно придумано, и я желаю Вам от всего моего искреннего щеглиного сердца — здоровья, удачи и самых счастливых встреч и впечатлений! Раз Вы опишите Ваше путешествие, не мудрствуя лукаво, с присущей Вам наблюдательностью и остротой, то будет уже громадная заслуга перед обществом, и книга должна получиться захватывающего интереса и поучительности. Помимо этого, узнав чуть не $\frac{3}{4}$ России, Вы в Ваших творческих работах будете иметь уже ту живую руководящую нить, без которой все мы выглядим по справедливости какими-то недоверившимися и немогузнайками» (ЛБ, п. 50, ед. 6 — Г).

В более раннем письме (16 января 1890 г.) тот же Щеглов «от души» желал Чехову «встретить на Сахалине того неуловимого «г. Идеала Идеаловича», без которого лучшие произведения искусства имеют лишь половинную ценность» (ЛБ, п. 50, ед. 6 — Г).

Примерно об этом же писал Чехову и литератор Вл. Тихонов:

«Искренне радуюсь и благословляю судьбу, дающую Вам возможность сделать этот далекий и занимательный вояж. И не за одного Вас радуюсь, а и за всех нас, читателей и почитателей Ваших.

...У Вас все козыри на руках. Поедете Вы, а с Вами словно и я поеду, конечно, душой моей, а не бранным телом. Да, Антон Павлович, я не скажу «Экий Вы счастливеец какой!» и не позавижу Вам, потому что Ваша поездка и для меня выходит как бы

на манер именинного пирога. А таких, как я, поверьте, уже много»⁶).

Один из будущих основателей Московского Художественного театра — Вл. Ив. Немирович-Данченко сообщал писателю: «Ваша поездка возбуждает большие ожидания. Вы подготовили себе отличную почву для нового периода Вашей деятельности» (15 июня 1890 г. ЛБ, п.53, ед. 37).

Даже шестидесятилетний Н. А. Лейкин (издатель юмористического журнала «Осколки») писал, что он завидует путешествию Чехова (ЛБ, п. 50, ед. 1-п). А хороший знакомый Чехова, замечательный артист Александринского театра в Петербурге П. Свободин, талант которого был высоко оценен писателем, в шутку предполагал, что Чехов, в результате путешествия напишет «что-нибудь «веселенькое», с действующими лицами вроде следующих: Иван Кандалов, каторжник, Лукерья Колодкина, молодая каторжница, Тигрий Псоич Человеконенавистненский, смотритель тюрьмы, бывший московский околоточный надзиратель».

Но было бы ошибкой думать, что предполагаемое сахалинское путешествие Чехова вызвало единодушное одобрение. Нет, представители реакционных кругов пытались всячески опорочить саму идею подобной поездки. Тот же Свободин сообщал Чехову и такой отзыв: «Что за дикая фантазия», говорил мне о Вас недавно один литератор, «непременно ехать изучать каторжников? точно нет ничего на белом свете достойного изучения, кроме Сахалина»⁷).

Мы знаем, **кто** хотел помешать поездке Чехова на Сахалин. Это был, например, реакционный критик Буренин, который еще до поездки Чехова пытался заранее принизить ее возможные результаты (зная, очевидно, что результаты путешествия передового писателя будут неуютны царскому самодержавию). Именно Буренину принадлежит пошлый экспромт:

«Талантливый писатель Чехов
На остров Сахалин уехав,
Бродя меж скал,
Там вдохновения искал.
Но не найдя там вдохновенья,
Свое ускорил возвращенье...

Простая басня сей мораль —

Для вдохновения не нужно ехать в даль»⁸).

Буренин сотрудничал в реакционной газете «Новое время».

Известно, что сам владелец этой газеты, А. С. Суворин, тоже пытался отговорить Чехова от его поездки, лживо утверждая, что «Сахалин никому не нужен и ни для кого не интересен». Письма Суворина до нас не дошли, но о том, что подобные советы приходилось выслушивать Чехову, мы знаем из гневного ответа писателя, где Суворину дается достойная отповедь. Ответ Чехова уже цитировался в гл. 1, но заключительные его строчки следует напомнить еще раз, ибо они лучше всего свидетельствуют, с какими мыслями Чехов отправлялся в дальний путь, что воодушевляло его на эту поездку:

«Нет, уверяю Вас, Сахалин нужен и интересен, и нужно пожалуй только, что туда еду я, а не кто-нибудь другой, более смыслящий в деле и более способный возбудить интерес в обществе».

«Возбудить интерес в обществе» к каторжному острову — вот чего желал Чехов, вот что придавало ему силы во время длительного и тяжелого путешествия.

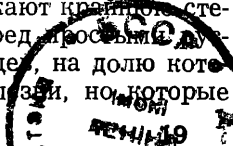
3. ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕХОВА НА САХАЛИН. ПРЕБЫВАНИЕ НА ОСТРОВЕ

21 апреля 1890 г. А. П. Чехов отправился из Москвы в свое длительное и трудное путешествие на Сахалин.

По письмам с пути, по очеркам писателя «Из Сибири» перед нами вырисовывается следующий маршрут поездки А. П. Чехова, во время которой ему приходилось вести отчаянную борьбу с разливами рек, с холодом, с невылазной грязью, с тяжелой тарантасной ездой: из Москвы до Ярославля — по железной дороге; из Ярославля — на пароходе по Волге и Каме — до Перми (Молотова); из Перми до Тюмени — по железной дороге; из Тюмени на лошадях до Байкала; затем на пароходе через Байкал и затем снова на лошадях до Сретенска (всего на лошадях А. П. Чехову пришлось проехать 4000 с лишним верст); из Сретенска на пароходе по Амуру до Николаевска и через Татарский пролив на Северный Сахалин.

Чехов испытывал ежечасно на своем пути и горечь за поруганную родную землю и угнетенный народ, и радость за красоту и приволье русской природы, и гордость за простых русских людей, совершающих героические трудовые подвиги «во глубине сибирских руд» и в таежных лесах Приамурья.

В дороге писателю пришлось увидеть много страшных картин дикого произвола, хамства и грубости царских чиновников, однако его наблюдения над крестьянами всегда жизнерадостны, и его путевые очерки «Из Сибири» выражают крайнюю степень восхищения, радости и преклонения перед простыми русскими людьми. Наблюдая в дороге переселенцев, на долю которых выпадали страшные лишения, голод, болотная

с невероятным упорством, с верой в лучшую жизнь на новой земле передвигались по сибирским просторам, Чехов записал: «Я гляжу на них и думаю: порвать навсегда с жизнью, которая кажется ненормальной, пожертвовать для этого родным краем и родным гнездом может только необыкновенный человек, герой...» (X, 341).

Великий Сибирский путь вызвал у Чехова во всей широте и необъятности могучий образ родины и народа-великана, законанных ржавыми цепями самодержавия, будил в писателе неизъяснимую грусть-тоску о заколдованной народной силе, томящейся в ожидании грядущего счастья свободы.

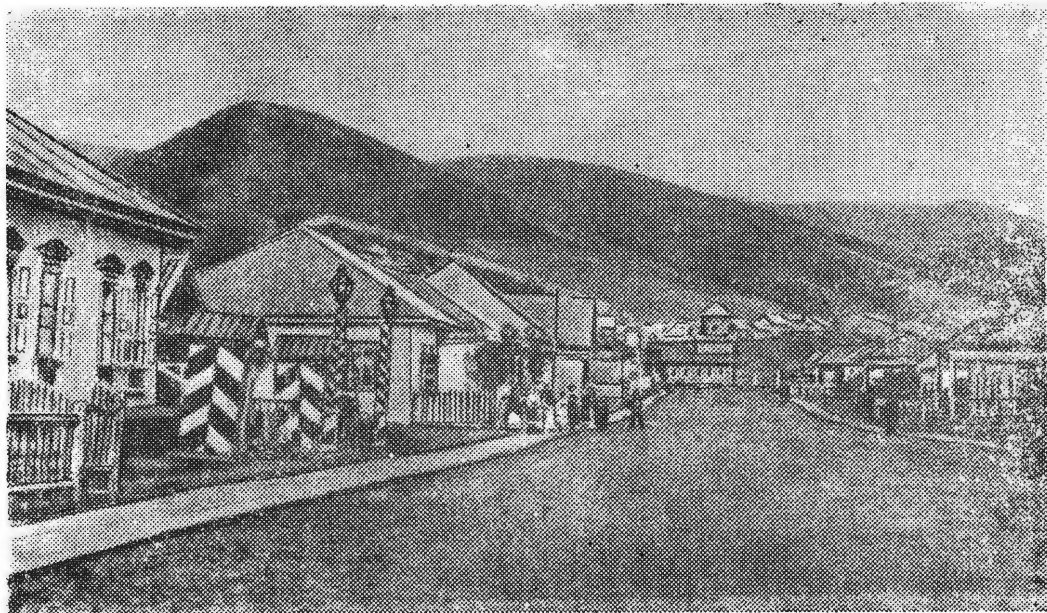
Трудно себе представить, как мог больной чахоткой писатель вынести столь тяжелый изнурительный путь! Бездорожье, грязь, непогода, вечно трясущийся тарантас — все изведal Чехов на своем пути к Сахалину.

В дороге постепенно утверждалось в душе Чехова то неясное предчувствие будущего расцвета страны, близости счастья, которое так ярко окрасило страстной поэзией его повесть «Степь», и особенно его творчество второй половины девяностых — начала девятисотых годов.

В упомянутых очерках «Из Сибири» А. П. Чехов сделал, например, такую запись: «На Енисее жизнь началась стоном, а кончится удалью, какая нам и во сне не снилась... На этом берегу Красноярск, самый лучший и красивый из всех сибирских городов, а на том — горы, напоминавшие мне о Кавказе, такие же дымчатые, мечтательные. Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!» (X, 368—369).

Перед ищущим взором Чехова во весь свой исполинский рост вставала необъятная русская земля со своим великим русским народом, обладающим огромными дарованиями и дерзаниями, стойким характером и ясным умом. И тем острее ощущал и сознавал великий писатель, что такая страна и такой народ находятся во власти унтер-пришибеевых, палачей, человекoв в футлярах. И тем сильнее хотелось ему крикнуть на весь мир, что «больше так жить нельзя!».

10 июля 1890 г. А. П. Чехов на пароходе «Байкал» переплыл Татарский пролив и вечером 11 июля сошел на берег в Александровском посту, где в то время располагались главная тюрьма, управление и канцелярия Сахалинской каторги. «Александровский пост или, короче, Александровск представляет из себя благообразный городок сибирского типа, тысячи на три

Пост Александровск на о. Сахалине, 1890 г.
Фотография, привезенная Чеховым с о. Сахалина.

жителей. В нем нет ни одной каменной постройки, а все сделано из дерева, главным образом из лиственницы: и церковь, и дома, и тротуары. Здесь резиденция начальника острова, центр сахалинской цивилизации» (X, 23).

Но внешне приличный вид этого «центра сахалинской цивилизации» или «сахалинского Парижа», как тогда иронически называли Александровск, не мог обмануть Чехова. Каторжная обстановка неумолимо накладывала свой отпечаток на всю жизнь александровских обитателей, и это чувствовалось даже в праздничные дни.

Добравшись до Александровска, Чехов поселился сначала на квартире у доктора Перлина, а затем переехал к одному из местных чиновников, «очень милому» молодому человеку, по характеристике писателя — Д. Булгаревичу. У Булгаревича «была только одна прислуга, старуха-хохлушка, каторжная, и изредка, этак раз в день, навещался к нему каторжный Егор, дровотаск, который прислугою его не считался, но «из уважения» приносил дров, убирал помой на кухне и вообще исполнял обязанности, которые были не под силу старушке» (X, 65). Разговоры с Егором надолго запомнились Чехову.

Вернувшись на материк, он попросил Булгаревича, чтобы тот записал рассказы Егора как можно точнее.

Булгаревич охотно выполнил поручение Чехова «в надежде, — как писал он, — что, быть может, хотя одна фраза, одно слово из егоровских перлов настроит даровитого художника на мотив о беспощадности законов; применяемых понапрасну к массе добродушных Егоров» (X, 428).

В течение трех месяцев пребывания на Сахалине писатель вел свою грандиозную, напряженную и вместе с тем систематическую работу писателя, общественного деятеля, врача, ученого — работу, которая могла бы сделать честь любому неутомимому исследователю.

Для того, чтобы ближе познакомиться с жизнью заключенных в тюрьмах и ссыльных в колонии, А. П. Чехов предпринял перепись сахалинского населения, обследовал все тюрьмы, кроме политических, «заходил во все избы, и говорил с каждым поселенцем и каторжным», многим оказывал медицинскую и материальную помощь.

Свои наблюдения, впечатления, отдельные факты писатель с научной добросовестностью вносил в свой «сахалинский дневник», и эти записи были как бы литературными «заготовками» для будущей книги о Сахалине.

Администрация Сахалина встретила А. П. Чехова весьма настороженно, ибо и на далеком Сахалине имя писателя и его обличающий голос были хорошо известны.

Казалось бы, что по отношению к писателю сахалинские администраторы были настроены вполне доброжелательно. Ему было даже выдано специальное удостоверение на право собирания «разных статистических сведений и материалов, необходимых для литературной работы об устройстве на острове Сахалине каторги и поселений»⁹).

Вот почему Чехов уже после возвращения домой в одном из найденных нами писем благодарил начальника острова Кононовича за «радушные и гостеприимство». «Когда я рассказываю литераторам, которые вообще не избалованы хорошими приемами, о том, какой прием был оказан мне на Сахалине, то они не верят, что я явился на Сахалин не имея ни одного письма, ни даже карточки»¹⁰).

Но Чехов не знал, что в тот же самый день — 30 июля — когда ему было выдано упомянутое выше удостоверение, генерал-майор Кононович направил начальникам Александровского и Тымовского округов секретные письма с предписанием: «Поручаю вашему высокоблагородию, чтобы г. Чехов не имел никаких сношений с ссыльно-каторжными, сосланными за государственные преступления и административно-ссылными, состоящими под надзором полиции»¹¹).

Несмотря на эти неблагоприятные условия, Чехову удалось сделать очень много. С законной гордостью он писал: «Не знаю, что у меня выйдет, но сделано мною не мало. Хватило бы на три диссертации. Я вставал каждый день в 5 часов утра, ложился поздно и все дни был в сильном напряжении от мысли, что мною многое еще не сделано...

Кстати сказать, я имел терпение сделать перепись всего сахалинского населения. Я объездил все поселения, заходил во все избы и говорил с каждым; употреблял я при переписи карточную систему, и мною уже записано около десяти тысяч человек каторжных и поселенцев. Другими словами, на Сахалине нет ни одного каторжного или поселенца, который не разговаривал бы со мной. Особенно удалась мне перепись детей, на которую я возлагаю немало надежд» (XV, 126).

У Перепись населения дала возможность А. П. Чехову собрать большой фактический материал, полностью разоблачающий ложь царского правительства о «прогессе и процветании Сахалинской колонии».

С невероятным упорством, не зная отдыха, в любую погоду писатель изо дня в день совершал свой благородный подвиг, обходя и объезжая одно селение за другим.

Сам А. П. Чехов так скромно оценивает этот свой титанический труд: «Эту работу, произведенную в три месяца одним человеком, в сущности, нельзя назвать переписью; результаты ее

Селение *Мичево*
Дворъ № *176*
Званіе *поселенец*
Имя, отчество, званія отношенія къ хозяину:
Андрей Савинцев
Лѣта *35*
Въроисповѣданіе *правосл.*
Гдѣ родился *Москва*
Съ какого года на Сахалинѣ
Главное занятіе
Грамотенъ, неграмотенъ, образованъ
Женатъ ли рокинъ, на Сахалинѣ, вдовъ, холостъ.
Получаетъ ли пособие отъ казны? Да, нѣтъ.
Чтѣтъ болѣе?

Одна из 10 000 карточек переписи ссыльно-каторжных на о. Сахалине, сделанной А. П. Чеховым во время пребывания на о. Сахалине.

не могут отличаться точностью и полнотой, но за неимением более серьезных данных ни в литературе, ни в сахалинских канцеляриях, быть может, пригодятся и мои цифры» (X, 33).

Для переписи Чехов разработал специальные учетные карточки, каждая из которых содержала 12 граф — название поста или селения, номер дома, звание записываемого (каторжный, поселенец, крестьянин из ссыльных, свободного состояния), имя, отчество и фамилия, возраст, занятие и ремесло, семейное состояние, вероисповедание, грамотность и т. д. Особенно неприятной для сахалинских чиновников была двенадцатая графа, в которой спрашивалось — получает ли записанный пособие от казны, которое он должен был получать, но которое часто оставалось в широких карманах тюремного начальства.

В Александровском округе писатель проводит тщательное обследование всех населенных пунктов и их жителей, за исключением небольших селений по западному побережью, выше устья р. Аркая, таких, как Мгачи, Танги, Хоэ, Виахты. Но население этих пунктов он сумел переписать по подворным книгам.

В каждом посещенном селении А. П. Чехов умел отыскать что-то свое, особенное, какую-нибудь очень важную деталь, которая характеризовала бы в то же время всю каторжную систему в целом и которая бы заставила человеческие сердца содрогнуться от ужасов царской ссылки.

Так, неподалеку от Александровска, в п. Корсаковка, писатель наблюдает, как поставлено медицинское обслуживание жителей, и делает следующую характерную запись: «Если бы здесь сумасшедших сжигали на кострах по распоряжению тюремных врачей, то и это не было бы удивительно, так как местные больничные порядки отстали от цивилизации, по крайней мере, лет на двести» (X, 79).

В Ново-Михайловке А. П. Чехов посещает пекарню, где пекли совершенно несъедобный хлеб с глиной для каторжных, занятых дорожными работами.

В конце августа 1890 г. А. П. Чехов проводит перепись населения во втором, Тымовском округе, посещая Верхний и Нижний Армудан, Дербинское, Воскресенское, Усково, Рыковское, Палево и другие населенные пункты.

В 1935 году на страницах газеты «Советский Сахалин» были опубликованы воспоминания М. Л. Ненюкова, который был кучером у Чехова и сопровождал его в поездках по Тымовскому округу. Не все в этих воспоминаниях достоверно, образ Чехова в воспоминаниях очевидца стал в какой-то степени леген-

дарным, но некоторые черточки поведения и деятельности писателя передаются, повидимому, правдиво:

«Ездили мы с Чеховым по всему Тымовскому округу две недели. Возил я его в Уское (Усково) и в Славы к гилякам. Он очень заинтересовался жизнью гиляков и все записывал в записную книжку. Потом поехали в Адо-Тымово, оттуда в Иркир. От Иркира повернули назад...

Душевный человек был, ласковый... — «Не называйте меня «высокоблагородием и баринном», зовите по имени отчеству или просто по фамилии...»

Сам он был моложавый, высокого роста, ездил в серой накидке и в черном костюме. Очков не носил, но имел при себе, ходил в черной шляпе. При Чехове постоянно была аптечка с лекарствами. Мы часто заходили с ним в избы ссыльно-каторжных. Чехов подробно их расспрашивал и все записывал в карточки. Лечил, лекарства оставлял. Очень доброе сердце у него было. Как увидит где нужда большая, так денег даст»¹²⁾.

10 сентября 1890 г. А. П. Чехов на том же самом судне «Байкал», на котором он прибыл в Александровск, отплыл на Южный Сахалин, где находил-

ся центр третьего тюремного округа — пост Корсаковский.

Перед отплытием, возвращаясь в Александровск, писатель имел возможность в Рыновском (теперь с. Кировское) подробно

А. П. Чехов в окрестностях Корсакова. С фотографии 1890 г., привезенной Чеховым с Сахалина. Отдел фондов Государственного литературного музея (г. Москва).

Публикуется впервые.

ознакомиться с коренным населением Северного Сахалина — нивхами (гиляками).

Утром 12 сентября Чехов проплывал мимо Мауки (теперешний Холмск), а к вечеру того же дня сошел на берег в Корсаковском посту — административном центре южного округа.

Корсаковский пост (считалось, что он основан в 1869 г., хотя Чехов отмечает, что первые русские поселения здесь возникли в 1853—54 гг.) понравился писателю: «Пост имеет с моря приличный вид городка, не сибирского, а какого-то особенного типа, который я не берусь назвать... С моря видна только одна его главная улица, и кажется издали, что мостовая и два ряда домов круто спускаются вниз по берегу; но это только в перспективе, на самом же деле подъем не так крут. Новые деревянные постройки лоснятся и отсвечивают на солнце, белеет церковь, старой, простой и поэтому красивой архитектуры» (X, 149—150).

«...Главная улица шоссирована и содержится в порядке, на ней тротуары, фонари и деревья, и метет ее каждый день клейменный старик». Но порядок этот и чистота объясняются очень просто: «Тут только присутственные места и квартиры чиновников, и нет ни одного дома, в котором жили бы ссыльные» (X, 153).

Обследование населенных пунктов Корсаковского округа писатель начал с селений, которые были расположены по берегу Анивского залива, побывал в Муравьевском посту. Отсюда он направился к селениям, которые лежат западнее Корсаковского поста, по направлению к Владимировке, проводя по пути перепись населения в Первой, Второй и Третьей Пади, Соловьевке, Мицулевке, Лиственичном, Хомутово и Большой Елани.

Владимировка (на месте которой сейчас расположен областной центр — г. Южно-Сахалинск) в чеховские времена была небольшим селением, где жило всего лишь 55 мужчин и 36 женщин.

Чехов сразу же обратил внимание на отличное географическое положение Владимировки: «Как сельскохозяйственная колония, это селение стоит обоих северных округов, взятых вместе» (X, 168).

Однако сахалинское начальство вообще мало внимания уделяло южному — корсаковскому округу. О правильной постановке сельского хозяйства никто не заботился. Во Владимировке, при доме смотрителя Ярцева даже была создана образцовая сель-

скохозяйственная ферма, но, как писал Чехов, «это не ферма, а в самом деле, одна лишь фирма, то есть пустая забава под фирмой образцового сельского хозяйства» (X, 169).

Во Владимировке Чехов провел два дня и затем направился через Луговое, Ново-Александровку, Березняки, Кресты, Такое к восточному побережью Сахалина, к Найбучи, но ввиду отсутствия дороги и заболоченности мест вскоре тем же путем вернулся в Корсаков. И здесь, на юге Сахалина, писатель с гневом отмечает такие же страшные картины страданий ссыльных, деспотизма и варварства со стороны администрации.

При многочисленных встречах и разговорах с ссыльно-поселенцами и каторжниками, Чехов сталкивался с такой потрясающей нищетой, что иногда не выдерживал, и, зная, что он один ничего изменить не может в положении этих людей, все же оказывал посильную материальную помощь голодающим. (См., например, отрывки из писем к Чехову Максима Хоменко — X, 504). Но главное, конечно, было не столько в материальной помощи, сколько в моральной поддержке, которую так ценили те ссыльно-каторжные, с которыми беседовал Чехов (см. X, 504).

В Корсакове Чехов встретился с поэтом-каторжником Михаилом Дмитриевым, который передал ему целую тетрадку, где рассказывалось о жизни на Сахалине. («В своей книге Чехов процитировал начальные строки этой тетради — X, 166).

«Раньше, — сообщал Дмитриев, — я писал много и с помощью других обрабатывал, но в сем году 15 февраля у меня по доносу одного негодяя отобрали (записки), и за то я получил 50 розг, 15 дней темного карцера на хлебе и воде и всегдашнее преследование начальствующих лиц...»¹³⁾.

Этот факт Чехов использовал в «Острове Сахалине» (X, 297) не назвав, однако, имени автора, чтобы не навлечь на него новых преследований.

Далее Дмитриев рассказывал о царящих на каторге мошенничестве и обмане, о надзирателях, которые расхищали продовольствие и вещи, предназначенные для каторжников и т. д.

Интересно отметить, что Дмитриев передал Чехову также 8 своих стихотворений, крайне слабых, но любопытных своей критической направленностью. Он описывает в своих стихах телесные наказания, издевательство над ссыльными. Дмитриев написал даже сатирическое стихотворение о приезде в Корсаков генерал-губернатора Корфа. В стихотворении этом речь идет о том, как местные власти ловко обманывали «грозного генерала»¹⁴⁾.

О подробностях пребывания Чехова в Корсакове мы узнаем из воспоминаний, которые опубликовал в 1904 году бывший сахалинский чиновник С. Фельдман:

«В тюрьме Чехов подолгу беседовал с каторжниками. Он сумел расположить их к себе, и они относились к нему на редкость доверчиво. Мы диву давались...

А. П. Чехов в окрестностях Корсакова. С фотографии 1890 г., привезенной Чеховым с Сахалина. Отдел фондов Государственного литературного музея (г. Москва).

Публикуется впервые.

Когда каторжники уходили на работы, Чехов переносил свои наблюдения на детей каторжан и поселенцев.

Чехов любил детей какой-то особенной трогательной любовью. Он обладал исключительным умением постигать их психологию и говорить с ними.

И дети с большой охотой шли к «дяде Павлычу».

В его присутствии они играли в свою обычную игру «в бродяги»...

Однажды Чехову пришлось присутствовать при наказании розгами одного арестанта.

Впечатление, произведенное этой сценой на Чехова было столь сильно, что он долго не мог вспомнить о ней без дрожи в голосе.

— Ведь это же ужасно, поймите... — говорил он с тоской и нервно ломал руки, хрустя пальцами...

Вечером того же дня Чехов описал сцену наказания¹⁵⁾.

13 октября 1890 г. писатель отправился в обратный путь из Корсакова через Японское море, Индийский океан, Суэцкий

канал, Черное море, Одессу и 9 декабря вернулся в Москву после своего восьмимесячного путешествия.

«Знаю я теперь очень многое, чувство же привез я с собой нехорошее. Пока я жил на Сахалине, моя утроба испытывала только некоторую горечь, как от прогорклого масла, теперь же, по воспоминаниям, Сахалин представляется мне целым адом» (XV, 130).

Рассказывая о итогах своего пребывания на Сахалине, Чехов писал: «Пробыл я на Сахалине... 3 (месяца) плюс 2 дня. Работа у меня была напряженная; я сделал полную и подробную перепись всего сахалинского населения и видел **все**, кроме смертной казни» (XV, 129).

Еще ранее Чехов писал о том же: «Я видел **все**, стало быть, вопрос теперь не в том, **что** я видел, а **как** видел». (Курсив Чехова — XV, 126).

Вопрос о том, **что** и **как** видел Чехов, можно решить на основе анализа его книги «Остров Сахалин», к созданию которой писатель приступил вскоре после возвращения домой.

4. РАБОТА НАД КНИГОЙ О САХАЛИНЕ

Перед тем, как начать писать книгу «Остров Сахалин», Антон Павлович Чехов совершил свою первую заграничную поездку, желая несколько отвлечься от тяжелых сахалинских впечатлений и укрепить свое сильно пошатнувшееся здоровье. По возвращении в Москву, в апреле 1891 года, А. П. Чехов начинает писать книгу о Сахалине и заканчивает ее к 1894 г., одновременно работая и над другими произведениями. Антон Павлович работал над «Островом Сахалином» упорно и много, перечитывал дополнительно гору научных книг, проводил новые исторические исследования, делал все для того, чтобы решить поставленную перед собой задачу: написать книгу так, чтобы художественность сочеталась в ней с научностью и чтобы можно было этой книгой возбудить «интерес в обществе».

С Сахалина Чехов привез массу черногового материала, который он тщательно систематизировал: «Привез я с собой около 10 тысяч статистических карточек и много всяких бумаг. Я хотел бы быть женат теперь на какой-нибудь толковой девице, чтобы она помогала мне разбираться в этом хламе, на сестру же взваливать сию работу совестно, ибо у нее и так работы много» (17 декабря 1890 г. — XV, 135).

Кроме упомянутых здесь статистических карточек, являющихся итогом его сахалинской переписи, Чехов привез с собой целый ряд других материалов, которые он в той или иной степени использовал в своей книге. Почти все эти карточки и материалы сосредоточены сейчас в Рукописном отделе Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина: тут и толстая пачка доносов и жалоб Александровского врача Б. А. Перлина

(ЛБ, п. 26, ед. 3-з) — один донос Чехов воспроизвел в своей книге (X, 26); и путевой дневник И. И. Павловского, заведовавшего Дуйской тюремной телеграфной станцией (ЛБ, п. 23, ед. 3-п) — этот дневник Чехов использовал при описании тех мест, где ему самому почему-либо побывать не довелось, (см., напр., X, 176) и образец донесения о нравственности ссыльно-поселенцев селения Верхний Армудан (ЛБ, п. 26, ед. 3-е/II, см. X, 209) и мн. др.

Привез с собой Антон Павлович и несколько фотографий (впоследствии ему было прислано еще несколько десятков фотографий). В настоящее время в Отделе фондов Государственного литературного музея (г. Москва) хранится около 50 фотографий, связанных с поездкой А. П. Чехова на Сахалин, — среди них есть интересные неопубликованные снимки¹⁶⁾.

Еще будучи на Сахалине Чехов принимал все меры к тому, чтобы собрать наиболее точные сведения о тех местах, где ему довелось побывать. Так, сахалинскому землемеру И. Карауловскому он заказал подробный план поста Александровского и слободы Корсаковской (ЛБ, п. 47, ед. 14).

Все это вместе взятое составило, по словам писателя «целый сундук всякой каторжной всячины, которая, как сырой материал, стоит чрезвычайно дорого» (XV, 130).

Эти материалы перерабатывались Чеховым под определенным углом зрения, ибо он уже в самом начале работы ставил перед собой определенную общественно-политическую цель: «Буду воевать главным образом против пожизненности наказаний, в которых вижу причину всех зол, и против законов о ссыльных, которые страшно устарели и противоречивы» (13 мая 1891 года. — XV, 201).

В течение многих месяцев после сахалинского путешествия Чехов постоянно думает о будущей книге. И во время заграничной поездки, в обстановке, казалось бы, совершенно отличной от сахалинской каторги, Чехову неожиданно приходит в голову мысль, которую он немедленно занес в свою записную книжку: «Если принц Монако имеет рулетку, то каторжным иметь у себя картеж можно и подавно» (XII, 199).

В той же записной книжке нарисована целая жанровая сцена, где речь идет о том, как с помощью жестокой шутки над осужденным офицером тюремные писари добыли себе денег на водку (XII, 303).

В ходе работы Чехов то и дело обращался к новым материалам о Сахалине, появившимся в печати во время или после его

путешествия. Одного из своих знакомых он просил в январе 1892 года выслать ему статью о сахалинской нефти (XV, 309, см. также XVI, 37).

О процессе работы Чехова над книгой дают отчетливое представление чрезвычайно содержательные комментарии М. Л. Семановой, опубликованные в т. 10 «Полного собрания сочинений и писем» А. П. Чехова (М., 1948). Основываясь на изучении рукописного материала, М. Л. Семанова установила, что к концу 1891 года Чехов закончил в основном собирание и систематизацию материала. Начальные главы были им начерно обработаны, а в августе была литературно оформлена глава о беглых. Эта глава, которую сам Чехов считал удачной, была им опубликована в конце 1891 года в сборнике «Помощь голодающим» (см. X, 378). Нужно сказать, что Чехов совершенно сознательно не печатал никаких отрывков из своей будущей книги в газетах, не давал интервью, отказывался от публичных выступлений (см. XV, 152). Это делалось с определенной целью: писатель хотел, чтобы его будущая книга была совершенной новостью для читателя, чтобы читатель получил сразу цельное впечатление о всех тех ужасах, которые творились на Сахалине.

В неопубликованном письме к Кононовичу 27 февраля 1891 года Чехов сообщал: «О Сахалине я не написал еще ни одной строчки и печатать не буду, пока не напишу своей книжки»¹⁷⁾.

Если же Чехов и отступил от этого своего решения, опубликовав отдельно главу о беглых, то это объясняется особым характером сборника, где была опубликована глава: доход со сборника был предназначен для помощи голодающим.

Работа над остальными главами «Острова Сахалина» у Чехова затянулась. Суворин предполагал даже, что Чехов «бросил Сахалин», — тот самый Суворин, который некогда тщетно пытался уговорить Чехова, чтобы тот не ездил на остров каторги. Теперь он стремился отвлечь писателя от завершения работы над книгой — очевидно, очень не хотелось издателю «Нового времени», чтобы в свет появились сахалинские очерки великого писателя. Но Чехов не поддался на эти уговоры. «Нет, — писал он Суворину 16 августа 1892 года, — сие мое детище я не могу бросить» (XV, 420).

Почему же на несколько лет растянулась работа писателя над книгой?

Объясняется это не только тем, что Чехов одновременно работал над другими произведениями. Дело, очевидно, в том, что

писатель тщательно искал наиболее приемлемую форму для воплощения своего замысла, а это далось ему не сразу. Письма Чехова той поры свидетельствуют о его напряженной работе над «Островом Сахалином».

18 мая 1891 года он писал: «Вчера я целый день возился с сахалинским климатом. Трудно писать о таких штуках, но все-таки в конце концов поймал черта за хвост. Я дал такую картину климата, что при чтении становится холодно. И как про- тивно писать цифрами!» (XV, 205).

Через десять дней:

«Из-за какой-нибудь одной паршивой строчки приходится целый час рыться в бумагах и пересчитывать всякую скуку» (XV, 208).

Через три месяца:

«Сахалин подвигается. Временами бывает, что мне хочется сидеть над ним 3 — 5 лет и работать над ним неистово, временами же в часы мнительности взял бы да и плюнул на него. А хорошо бы, ей-богу, отдать ему годика три! Много я напишу чепухи, ибо я не специалист, но, право, напишу кое-что и дельное. А Сахалин тем хорош, что он жил бы после меня сто лет, так как был бы литературным источником и пособием для всех, занимающихся и интересующихся тюремоведением» (XV, 238).

Лишь к самому концу работы Чехову удалось найти нужный тон повествования, и он с удовлетворением писал Суворину 28 июля 1893 года:

«Сдал в печать свой «Сахалин». Рекомендую Вашему вниманию. То, что Вы когда-то читали у меня, забудьте, ибо то фальшиво. Я долго писал и долго чувствовал, что иду не по той дорожке, пока, наконец, не уловил фальши. Фальшь была именно в том, что я как будто кого-то хочу своим «Сахалином» научить и вместе с тем что-то скрываю и сдерживаю себя. Но как только я стал изображать, каким чудачком я чувствовал себя на Сахалине и какие там свиньи, то мне стало легко и работа моя закипела, хотя и вышла немножко юмористической» (XVI, 72).

Однако, говоря о несколько замедленном темпе работы Чехова над сахалинскими очерками, необходимо помнить и о том, что писателю все время приходилось сдерживать свое перо из цензурных соображений. «Пока на тюремном престоле сидит Галкин-Враский, — писал Чехов в августе 1892 года, — выпускать книгу мне сильно не хочется. Вот разве нужда заставит, тогда другое дело» (XV, 420).

Дело в том, что, когда Чехов отправлялся на Сахалин, ему

было поставлено условием, что будущее свое произведение он должен будет представить для просмотра в Главное тюремное управление в корректуре. Писатель постарался обойти это стеснительное условие. Книга «Остров Сахалин», печатавшаяся в журнале «Русская мысль» в 1893 — 94 гг., высылалась в тюремное управление уже в виде отпечатанных листов. Естественно, что Галкин-Враский, и без того раздраженный содержанием книги, пожаловался в Главное управление печати, и ноябрьская книжка «Русской мысли» (за 1893 г.) была даже задержана на несколько дней (XVI, 103), а две последние главы так и не были разрешены к публикации в журнале, а появились впервые лишь в отдельном издании (XVI, 161 и 466).

Отдельное издание книги печаталось без предварительного цензурного разрешения «на страх и риск» самого автора. По этому поводу Чехов с юмором писал в марте 1895 года: «Итак «Сахалин» мы выпускаем, не дожидаясь цензурного разрешения. Книга выходит толстая, с массою примечаний, анекдотов, цифр... Авось пройдет. А не пройдет, то так тому и быть — все равно умирать» (XVI, 225).

«Остров Сахалин», напечатанный еще в начале 1895 года, должен был все-таки пролежать на складе несколько месяцев (до цензурного разрешения) и поступил в продажу лишь летом 1895 года (см. X, 474).

5. КНИГА ЧЕХОВА «ОСТРОВ САХАЛИН»

Появление в печати книги Чехова «Остров Сахалин» было воспринято передовыми читателями как большое общественное и литературное событие.

Смело и правдиво описал Чехов в своей книге весь ужас всероссийской каторги с телесными наказаниями, с «предельной степенью унижения человека, дальше которой нельзя уже идти».

Правдивое описание ужасов сахалинской жизни помогло передовым русским людям **впервые** узнать о всех злодеяниях царского правительства на этой далекой окраине России.

При анализе «Острова Сахалина» необходимо иметь в виду то немаловажное обстоятельство, что Чехов, из опасений цензурных преследований, должен был писать в намеренно сдержанных тонах, почти нигде не вступая в **прямую** полемику с представителями тюремного управления или с высшими сахалинскими чиновниками.

И тем не менее, вся книга Чехова — от начала до конца — глубоко полемична, направлена против официальной лжи о «процветании» Сахалина.

Примеры, свидетельствующие о полемике Чехова с официальными отчетами Главного тюремного управления, приведены в комментариях М. Семановой. Так, если в отчете в розовых красках описывалось, как жители острова снабжались «машинами, инструментами и материалами, которые необходимы для производимых на острове работ», то Чехов в своей книге рисует прямо противоположную картину: «Поселенцы отправлялись к месту буквально с голыми руками. Из жалости им были даны из

Арестанты на каторжных работах. 1890 г.
Фотография, привезенная Чеховым с о. Сахалина.

тюрьмы старые топоры, чтобы они могли нарубить себе лесу» (X, 507).

Писатель и в самом тексте книги упоминал о лживых сведениях в официальных документах: «Что касается рыбных ловель (в Мгачи), о которых говорится в отчете главного тюремного управления за 1889 г., то их тут нет совсем» (X, 90). Изучая канцелярский материал на Сахалине, Чехов, по его собственным словам, «приходил в отчаяние» от дутых цифр, неверных итогов и «праздных вымыслов» разных помощников смотрителей, старших надзирателей и писарей (X, 283).

Работая над книгой, писатель, разумеется, совершенно обдуманно старался не вступать в резкий и **открытый** спор с представителями сахалинской администрации. Но когда он цитирует слова генерал-губернатора Корфа: «Я убедился, что на Сахалине несчастным живется легче, чем где-либо в России и даже Европе» (X, 31) — то несомненно, что все дальнейшее изложение в

«Острове Сахалине» Чехов ведет так, чтобы опровергнуть этот генеральский взгляд.

Утверждения Корфа о «легкой» жизни каторжных настолько искажали действительность, что писатель сразу же вынужден был заявить о том, что генеральское «похвальное слово не мирилось в сознании с такими явлениями, как голод, повальная проституция ссыльных женщин, жестокие телесные наказания...» (X, 31).

И далее Чехов в крайне мягкой манере делает заключение, что Корф «великодушный и благородный человек, но что «жизнь несчастных» была знакома ему не так близко, как он думал» (X, 31).

Нечто подобное писал Чехов и о начальнике острова генерале Кононовиче, отмечая его умение **красиво** говорить, **красиво** писать и **производить впечатление** искреннего, проникнутого гуманными стремлениями человека. Но тут же писатель тонко подчеркивает, что постоянные разговоры генерала об отвращении, которое он испытывает к телесным наказаниям, приятно поражают только в **первое время** (X, 26).

Итак, «жители Сахалина обеспечены машинами и инструментами», «несчастливым живется здесь легче, чем где-либо в России», сам начальник острова испытывает глубокое отвращение к телесным наказаниям.

Какая идиллическая картина!

Что же происходило на Сахалине на самом деле? Выяснению этого вопроса и посвящена книга Чехова «Остров Сахалин».

Внимательно исследуя тяжелую, изнурительную жизнь поселенцев на Сахалине, Чехов приходит к очень правильному и разоблачающему правительству выводу о том, что организация каторги на острове бессмысленна и экономически невыгодна.

Для подтверждения такого вывода писатель анализирует состояние экономики поселенцев. В этом анализе Чехов проявил себя как вдумчивый, подготовленный ученый-исследователь. Какие бы стороны хозяйственной жизни на Сахалине ни показывал писатель, он каждый раз приходит к правильному политическому выводу, что в условиях каторги, в условиях изуродованных тюремных общественных отношений подневольный труд ссыльного всегда является непроизводительным, а дикий произвол, казнокрадство, деспотизм тюремной администрации только усиливают тяжесть труда ссыльного и его ненависть к Сахалину.

Чехов, например, с горечью замечает, что, несмотря на пло-

дородные почвы (прежде всего на юге острова), обилие влаги и т. д., сельское хозяйство на Сахалине влачит жалкое существование. Он говорит, что «труд здешнего землепашца был не только принудительным, но и тяжким» (X, 238) и что «продолжать настаивать на том, чтобы колония во что бы то ни стало была сельскохозяйственной, значило тратить непроизводительные казенные деньги и подвергать людей напрасным мучениям» (X, 242).

К таким же печальным выводам приходит Чехов в отношении остальных отраслей хозяйства на Сахалине, в частности, в отношении рыбной промышленности. Писатель высказывает интересную мысль о том, что «главное богатство Сахалина и его будущность, быть может, завидная и счастливая, не в пушном звере и не в угле, как думают, а в периодической рыбе», и что с увеличением иммиграции и развитием оседлой и промышленной жизни на острове само государство найдет более справедливым и выгодным «стать на сторону свободного элемента» и прекратить ссылку (X, 253).

О том же, как ссыльная колония использовала колоссальные рыбные богатства Сахалина, свидетельствует такой факт: «в то время, как в верховьях Тыми тюрьма и ее поселенцы ловили тощую, полуживую рыбу, в устье ее контрабандным образом промыслили японцы, загородив частоколом реку» (X, 253).

Особенно страстно протестует Чехов против варварского использования ссыльных в угольных копях и против страшных условий быта сахалинских шахтеров. Великой болью за поруганную человеческую личность, превращенную в раба, звучит каждое слово писателя, восстающего против дикого произвола частного общества «Сахалин».

Общество это ведало разработками угля на северном Сахалине, и казна, охраняя его интересы, ежегодно тратила на эту цель 150 тыс. рублей. «Стало быть, если, как говорят, представителей общества, живущих в Петербурге, только пять, то охранение доходов каждого из них обходится ежегодно казне в 30 тысяч, не говоря уже о том, что из-за этих доходов приходится, вопреки задачам сельскохозяйственной колонии и точно в насмешку над гигиеной, содержать более 700 каторжных, их семьи, солдат и служащих в таких ямах, как Воеводская и Дуйская пади, и не говоря уже о том, что, отдавая каторжных в услужение частному обществу за деньги, администрация испорчительные цели наказания приносит в жертву промышленным соображениям».

Мало этого. Общество со своей стороны ни копейки не платило за труд каторжных и к 1 января 1890 года «оно состояло должным казне 194337 рублей 15 коп.; десятая же часть этих денег приходится на долю каторжных, как вознаграждение за труд» (X, 101, 102).

Чехов отмечает, что вся исключительная тяжесть труда каторжных шахтеров заключается даже не в самом труде, а в обстановке, в тупости и недобросовестности всяких мелких чинов, когда на каждом шагу приходится терпеть от косности, несправедливости и произвола. «Богатые чай пьют, а бедняки работают, надзиратели у всех на глазах обманывают свое начальство, неизбежные столкновения рудничной и тюремной администраций вносят в жизнь массу дрязг, сплетней и всяких мелких беспорядков, которые ложатся своею тяжестью прежде всего на людей подневольных, по пословице: пань дерутся, у хлопцев чубы болят» (X, 104).

Так оценивал Чехов состояние хозяйства и условия подневольного труда на Сахалине.

* * *

Кто же были те люди, которым было доверено управлять ссыльными, «способствовать их исправлению, благотворно воздействовать на их нравственность» и т. д.? «Один честный человек на 99 воров, оскверняющих русское имя...» пишет о них Чехов (XV, 130). Да и что, собственно, можно было от них требовать, если сам начальник Главного тюремного управления Галкин-Враский, говоря в официальной бумаге о задачах чиновников, указал, что от них, при управлении «массой преступного населения», требуется, прежде всего умение **извлекать** из этого населения **«практическую пользу»** и притом, **«по мере сил и возможностей»** (!) направлять ссыльных к добру ¹⁸⁾.

Они и старались извлекать из ссыльных практическую пользу, употребляя старые методы крепостного права. Чехов рассказал, как однажды за обедом старик-каторжный «подал что-то не так, как нужно, и чиновник крикнул на него строго «Дурак!». Я посмотрел тогда на этого безответного старика и, помнится, подумал, что русский интеллигент до сих пор только и сумел сделать из каторги, что самым пошлым образом свел ее к крепостному праву» (X, 174)¹⁹⁾.

Пусть не всегда писатель имел возможность дать резкую и прямую оценку крепостническим замашкам сахалинских чиновников, но читатель явственно ощущал подлинное отношение Че-

хова к этим деятелям «новой формации», которые в книге охарактеризованы как смесь Держиморды и Яго (X, 284).

Прекрасным примером внешне сдержанной, а по существу уничтожающей критики автора является описание селения Дербинского. Читатель легко мог уловить скрытый гнев Чехова.

Разнообразные строения в Дербинском «напоминают не тюрьму, а господскую экономию. Смотритель все ходит от амбара к амбару и звенит ключами, — точь-в-точь как помещик доброго старого времени, денно и ночью пекущийся о запасах. Жена его сидит около дома в палисаднике, величественная, как маркиза, и наблюдает за порядком. Ей видно, как перед самым домом из открытого парника глядят уже созревшие арбузы и около них почтительно, с выражением рабского усердия, ходит каторжный садовник Каратаев; ей видно, как с реки, где арстанты ловят рыбу, несут здоровую, отборную кэту, так называемую «серебрянку», которая идет не в тюрьму, а на балычки для начальства. Около палисадника прогуливаются барышни, одетые, как ангельчики; на них шьет каторжная модистка, присланная за поджог. И крутом чувствуются тихая, приятная сытость и довольство; ступают мягко, по кошачьи, и выражаются тоже мягко: рыбка, балычки, казенненькое довольствие...» (X, 114 — 115).

Как тут не вспомнить Иудушку Головлева! Щедринские интонации совершенно отчетливо чувствуются в этом чеховском описании.

А в то же время «больше половины Дербинского голодны, оборваны и производят впечатление ненужных, лишних, не живущих и мешающих другим жить» (X, 116). И далее раскрывается другая сторона медали — тот же смотритель — «помещик доброго старого времени» — оказывается, может выражаться не только мягко и говорить не только о «рыбках и балычках».

«Утром выхожу на крыльцо, — пишет Чехов. — Небо серое, унылое, идет дождь, грязно. От дверей к дверям торопливо ходит смотритель с ключами.

— Я тебе пропишу такую записку, что потом неделю чесаться будешь, — кричит он. — Я тебе покажу записку!

Эти слова относятся к толпе человек в двадцать каторжных, которые, как можно судить по немногим долетевшим до меня фразам, просят в больницу. Они оборваны, вымокли на дожде, забрызганы грязью, дрожат; они хотят выразить мимикой, что им в самом деле больно, но на озябших, застывших лицах

выходит что-то кривое, лживое, хотя, быть может, они вовсе не лгут...

Приходит на ум слово «парии», означающее в обиходе состояние человека, ниже которого нельзя уже упасть. За все время, пока я был на Сахалине, только в поселенческом бараке около рудника, да здесь, в Дербинском, в это дождливое, грязное утро были моменты, когда мне казалось, что я вижу крайнюю, предельную степень унижения человека, дальше которой нельзя уже идти» (X, 117).

Особенно возмущало Чехова то, что во всех этих издевательствах над ссыльными принимали участие и молодые чиновники, получившие какое-то образование, приехавшие на Сахалин с различными дипломами и аттестатами. Верно о них отзывался Д. Булгаревич — один из сахалинских знакомых писателя: «Эти господа своими аттестатами только закрепляют и замаскировывают наглый произвол, воровство и зверство в отношении к низшей здешней братии» (ЛБ, п. 37, ед. 53).

У Чехова были все основания писать, что «если бы, положим, художник изобразил, как наказывают плетью бродягу, то на его картине место прежнего капитана-пропойцы, старика с сине-багровым носом, занимал бы интеллигентный молодой человек в новеньком вицмундире» (X, 151).

Не случайно Чехов упоминает здесь наказание плетью; картина эта была чрезвычайно типичной. Единственным средством «воспитания», единственным методом обращения с каторжниками было наказание розгами или плетью. Секли за все, за самую малейшую провинность, за то, что каторжный не снял вовремя шапку перед чиновником, за то, что сапожник не сшил всю обувь, положенную ему на день, секли целыми группами — по 20—30 человек рабочих, если они не исполнили дневного урока.

Несколько страниц в книге уделяет Чехов рассказу о том, как наказывали плетью бродягу (чему он сам был свидетель). Мороз пробегает по коже, когда читаешь эти страницы. Вот перед нами, как живой, предстает молодой врач, который с деловым мидом определяет **сколько** ударов может вынести этот арестант. Он решает этот вопрос в одну минуту, и ему несколько не стыдно; хотя он знает, что Чехов — тоже врач. С тем же деловым видом молодой врач пишет акт осмотра²⁰).

Вот палач Толстых, не спеша, молча, начинает медленно привязывать к скамье руки и ноги осужденного. Смотритель равнодушно поглядывает в окно, доктор прохаживается...

Арестантов заковывают в кандалы. О. Сахалин. 1890 г.
Фотография, привезенная Чеховым с о. Сахалина.

Чехов прямо не говорит о своих ощущениях, но о них легко можно догадаться.

Осужденный уже «не произносит ни одного слова, а только мычит и хрипит; кажется, что с начала наказания прошла целая вечность, но надзиратель кричит только: «Сорок два! Сорок три!». До девяности далеко. Я выхожу наружу. Кругом на улице тихо, и раздирающие звуки из надзирательской, мне кажется, проносятся по всему Дуэ...».

И — неожиданно — писатель слышит:

— Люблю смотреть, как их наказывают! — говорит радостно военный фельдшер, очень довольный, что насытился **отвратительным** зрелищем. — Люблю! Это такие негодяи, мерзавцы... вешать их! (X, 301).

«Я не замечал, — пишет Чехов, — чтобы чиновники с университетским образованием относились к экзекуциям иначе, чем военные фельдшера... Иные до такой степени привыкают к плетям и розгам и так грубеют, что, в конце концов, даже начинают находить удовольствие в дранье. Про одного смотрителя тюрьмы рассказывают, что, когда при нем секли, он насмивывал; другой, старик, говорил арестанту с злорадством: «Что ты кричишь, господь с тобой? Ничего, ничего, поддержишься! Всыпь ему, сыпь! Жигани его!» Третий велел привязывать арестанта к скамье за шею, чтобы тот хрипел, давал 5—10 ударов и уходил куда-нибудь на час-другой, потом возвращался и давал остальные» (X, 302).

А ведь сам Чехов слышал однажды, как генерал Кононович, начальник острова, сказал:

— У нас, на Сахалине, прибегают к телесным наказаниям чрезвычайно редко, почти никогда! (X, 303).

Сцена порки, нарисованная писателем буквально с натуры, была прекрасным опровержением этих лицемерных утверждений генерала.

15 апреля 1898 года С. А. Толстая (жена Л. Н. Толстого) записала в своем дневнике: «Вечером читали вслух «Сахалин» Чехова, ужасные подробности телесного наказания. Маша расплакалась, у меня все сердце надорвалось» (X, 512).

Но постоянная угроза порки — это было еще не самое страшное в жизни ссыльных. Самое страшное начиналось тогда, когда осужденные переводились из тюрьмы на поселение и оказывались предоставленными по сути дела самим себе: начальство отводило им зачастую негодные для земледелия участки (или сажало на участок, уже занятый кем-либо в «совладель-

цы» или «половинщики») и выдавало для обзаведения хозяйством один топор, да и тот ржавый. «Если тяжесть наказания измерять количеством труда и физических лишений, — делает вывод автор книги, — то на Сахалине часто поселенцы несут более суровое наказание, чем каторжные» (X, 198). В этих условиях и принуждены были жить тысячи людей, сосланных на каторгу.

* * *

Естественно, что Чехова интересовала прежде всего жизнь ссыльных, их психология, их мысли, их надежды. Даже свою знаменитую перепись Чехов придумал прежде всего для того, «чтобы побывать по возможности во всех населенных местах и познакомиться поближе с жизнью большинства ссыльных» (X, 32).

Со страниц книги великого русского писателя встают потрясающие картины жутких условий жизни людей — пусть преступников, но все же **людей**, с которыми на Сахалине обращались хуже чем с животными. Не случайно Чехов вспоминает «Железную дорогу»:

Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролись с голодом,
Мерзли и мокли, болели цынгой!..

Нечто подобное описанному Некрасовым Чехов отмечал и при постройке Александровска: «К этой массе труда и борьбы, когда в трясине работали по пояс в воде, прибавить морозы, холодные дожди, тоску по родине, обиды, розги и — в воображении встанут страшные фигуры» (X, 42).

О повседневной жизни ссыльных Чехов в своей книге рассказывает очень подробно. Вот после 12—14 часов изнурительного, напряженного труда (часто в холодную, ненастную погоду) каторжник возвращается в тюрьму на ночлег. Он «в промокшем платье и в грязной обуви, просушиться ему негде; часть одежды развешивает он около нар, другую, не дав ей просохнуть, подстилает под себя вместо постели». (X, 57). А тут еще вонючий, промозглый, какой-то кислый воздух, невероятное обилие клопов и тараканов, сливающихся в сплошную переливающуюся массу... Еда каторжных состояла в основном из хлеба, и какой это был ужасный хлеб! «При взломе он отсвечивал на солнце мельчайшими капельками воды, прилипал к пальцам и имел вид грязной, осклизлой массы, которую неприятно было держать в руках» (X, 257).

Естественно, что в такой обстановке болезни были неизбежны. Лечить же больных было и некому и нечем. С ужасом писал **врач** Чехов о сахалинских больницах, где даже воды не было в достаточном количестве.

Но, пожалуй, наиболее концентрированным выражением всех сахалинских ужасов для Чехова была тюрьма в Дуэ. «С самого основания Дуэ здешняя жизнь вылилась в форму, какую можно передать только в неумолимо-жестоких, безнадежных звуках, и свирепый холодный ветер, который в зимние ночи дует с моря в расщелину, только один поет именно то, что нужно» (X, 97).

В своей книге о Сахалине Чехов не ставил задачей дать ряд индивидуальных портретов ссыльных. Но, как было сказано выше, писателя прежде всего, разумеется, интересовали люди. Это не означает, конечно, что Чехов пытался в какой-то степени идеализировать ссыльных, приписывать им несуществующие добродетели и т. д. Он видел и закоренелых преступников, готовых из-за жадности к деньгам на самые гнусные предательства, видел, что «у ссыльных наблюдаются пороки и извращения». Но писатель с полным основанием обратил внимание на **социальную обусловленность** этих пороков и извращений: они были свойственны «по преимуществу **людям подневольным, поработленным, голодным и находящимся в постоянном страхе**. Лживость, лукавство, трусость, малодушие, наущничество, кражи, всякого рода тайные пороки — вот арсенал, который выставляет приниженное население или, по крайней мере, громадная часть его, **против начальников и надзирателей, которых оно не уважает, боится и считает своими врагами**» (X, 288).

Кроме того, Чехов не мог не заметить, что «вместе с закоренелыми, неисправимыми злодеями и извергами живут под одной крышей случайные преступники, «несчастные», невинно осужденные» (X, 287).

Как бы то ни было, писатель в своих собеседниках видит людей, а не преступников. Поэтому его обычно не интересует **преступление**, тем более сенсационное.

Через несколько лет после Чехова на Сахалине побывал известный в свое время журналист В. Дорошевич, который в свою очередь написал книгу о Сахалине, не лишенную известного интереса. Но Дорошевича особенно интересовали «знаменитые преступники», и описанию их историй он уделял очень много места.

Чехов, разумеется, также встречался на Сахалине с теми, чьи судебные процессы еще так недавно занимали целые столб-

цы петербургских газет: «У Ландсберга я обедал, — писал он, — у бывшей баронессы Гембрук сидел в кухне... Был у всех знаменитостей» (XV, 126). Однако установлено, что в процессе подготовки книги к печати Чехов последовательно устранял из рукописи все то, что носило в себе характер сенсационности или исключительности (рассказ о каторжном Колосовском, о баронессе — поджигательнице Гембрук и др.); он рисует людей обыкновенных, попавших на Сахалин нередко по «судебной ошибке» (X, 427). Вот почему такое внимание писателя и привлек Егор Ефремов, с которым Чехов познакомился в Александровске, на квартире у Булгаревича.

«Рассказ Егора», помещенный в «Острове Сахалине», принадлежит к одним из самых сильных глав книги. Здесь, на конкретном материале, показана типическая судьба простого человека — простодушного и работающего, попавшего на Сахалин из-за судебной ошибки.

Егору «лет под сорок и представляет он из себя человека неуклюжего, неповоротливого, как говорится, увальня, с простодушным, на первый взгляд глуповатым лицом и с широким, как у налива, ртом. Он рыжий, борода у него жидкая, глаза маленькие... Он не может сидеть без работы ни одной минуты и находит ее всюду, куда бы ни пришел» (X, 66).

Как же этот человек попал на Сахалин, какое преступление он совершил?

В пьяной драке был убит крестьянин. Убийца оговорил братьев Ефремовых, надеясь, что за это его накажут не очень сильно. Так был осужден на каторгу Егор.

Очень характерна одна маленькая деталь: перед отправлением на Сахалин Егор увиделся с женой, а когда она уезжала домой, он послал вместе с ней «два пайка хлеба в гостинцы». Какая, должно быть, была бедная семья, если даже тюремный хлеб, сбереженный хозяйственным Егором, мог служить гостинцем!

Можно отметить еще несколько случаев, когда Чехов описывает индивидуальную судьбу ссыльных, но он делает это лишь в тех случаях, если его что-то очень заинтересовало в психологии человека, если в этой индивидуальной судьбе он находил что-то типичное для массы каторжных. Так, например, он излагает довольно подробно историю неудачной любви уже на каторге Вукола Попова. История эта заинтересовала Чехова лишь потому, что (как сказано в черновике) она «могла бы послужить

сюжетом для большой и нескучной повести... Она прекрасно рисует **положение русского человека, лишенного права**» (X, 406).

С особым **сочувствием** отнесся Чехов к положению женщин на каторге, на **которых** иногда сами же ссыльные (вслед за чиновниками) смотрели как на бессловесную скотину. Упомянувшийся уже генерал Кононович, беседуя в присутствии Чехова с поселенцами селения Ускова и давая им различные обещания, сказал, между прочим:

— И насчет женщин вас не оставляю.

Многие подобные наблюдения привели писателя к горькому выводу о том, что «человеческое достоинство, а также **женственность** и стыдливость каторжной женщины не принимаются в расчет ни в каком случае» (X, 216).

С глубоким негодованием и болью писал Чехов о невыносимом положении детей на Сахалине, о неграмотности, беспросветной нужде и забитости населения, в результате чего «рождение каждого нового человека в семье встречается неприветливо; над колыбелью ребенка не поют песен и слышатся одни только злоещие причитывания» (X, 235).

Чехову, так горячо любившему детей, было очень тяжело наблюдать, в каком положении находились дети на острове.

И когда он отмечает в своих записях, что «сахалинские дети бледны, худы, вялы; они одеты в рубища и всегда хотят есть... Жизнь впроголодь, питание иногда по целым месяцам одною только брюквой, а у достаточных — одною соленою рыбой, низкая температура и сырость убивают детский организм чаще всего медленно, изнуряющим образом, малопомалу перерождая все его ткани» (X, 236—237) — мы чувствуем за каждым словом писателя его большую скорбь за поруганное и несчастливое детство маленьких сахалинцев.

Даже на игры детей каторжная обстановка наложила неизгладимую печать. «Играют они в солдаты и арестанты. Мальчик, выйдя на улицу, кричит своим товарищам: «равняйся!», «отставить!». Или же он кладет в мешок свои игрушки и кусок хлеба и говорит матери: «Я иду бродяжить». — «Глядиноксь, часом солдат подстрелит», — шутит мать; он идет на улицу и бродяжит там, а товарищи, изображающие солдат, ловят его» (X, 236).

Сильнее, кажется, нельзя изобразить все растлевающее влияние каторги на детские души.

Но даже в каторжной жизни были все же проблески чего-то светлого, и чаще всего это было связано именно с ребятишка-

ми, потому что «самые полезные, самые нужные и самые приятные люди на Сахалине — это дети, и сами ссыльные хорошо понимают это и дорого ценят их. В огрубевшую, нравственно истасканную сахалинскую семью они вносят элемент нежности, чистоты, кроткости, радости» (X, 235).

Чехов — великий гуманист — не мог поверить тому, что вся масса ссыльных — неисправимые звери; наоборот, он видел, что в различных надзирателях и смотрителях было зачастую больше звериного, чем в самых неисправимых каторжниках. Достаточно вспомнить того военного фельдшера, который любовался, как наказывали плетью бродягу. А несколько ранее, как бы желая особо подчеркнуть контраст между зверством чиновников и человечностью многих каторжников, писатель рассказал, что в Дуэ он видел сумасшедшую, страдавшую эпилепсией, которая живет в избе своего сожителя, тоже каторжного, и он ходит за ней как усердная сиделка. «И когда я заметил ему, — пишет Чехов, — что, вероятно, ему тяжело жить в одной комнате с этой женщиной, то он ответил мне весело: «Ничего-о, ваше высокоблагородие, по человечности!». В Ново-Михайловке у одного поселенца сожительница давно уже лишилась ног и день и ночь лежит среди комнаты на лохмотьях, и он ходит за ней, и когда я стал уверять его, что для него же было бы удобнее, если бы она лежала в больнице, то и он тоже заговорил о **человечности**» (X, 218).

Увидеть на каторге примеры такого подлинно человеческого отношения людей друг к другу Чехову помогла его великая любовь к людям. Недаром он отмечал, что «как ни просто складываются на Сахалине незаконные семьи, но и им бывает не чужда любовь в самом ее **чистом, привлекательном виде**» (X, 218).

К несчастью, эти хорошие черты, проявляющиеся в самом, казалось бы, закоренелом преступнике, не получали никакой поддержки, ибо чиновники, надзиратели, смотрители — в подавляющем большинстве случаев — были в нравственном отношении еще ниже, чем каторжники. Чехов слышал рассказ о каторжнике Золотарева, «человеке зажиточном, который водил компанию с чиновниками, кутил с ними и играл в карты; когда жена этого каторжника заставляла его в обществе чиновников, то начинала срамить его за то, что он водит компанию с людьми, которые могут дурно повлиять на его нравственность» (X, 283). Поэтому писатель с полным основанием отмечал, что отсутствие справедливости во всем тогдашнем обществе — в том

числе и среди сахалинской администрации — приводит к еще большей деморализации на каторге. «Каторжник, как бы глубоко он ни был испорчен и несправедлив, любит больше всего справедливость и, если ее нет в людях, поставленных выше его, то он из года в год впадает в озлобление, в крайнее неверие» (X, 104).

В целом ряде случаев судьба людей, занесенных на Сахалин, вызывает у писателя самое живое сочувствие. Мы уже упоминали о Егоре. Можно вспомнить еще шестнадцатилетнюю Таню Николаеву, дочь поселенца, которую Чехов назвал «сахалинской Гретхен». «Она белокура, тонка и черты у нее тонкие, мягкие, нежные. Ее уже просватали за надзирателя. Бывало, едешь через Мицульку, а она все сидит у окна и думает. А о чем может думать молодая, красивая девушка, попавшая на Сахалин, и о чем она мечтает, — известно, должно быть, одному только богу» (X, 166).

В рассказе или повести Чехов обязательно попытался бы проникнуть во внутренний мир молодой и красивой девушки, которая еще ребенком попала на Сахалин (а может быть и родилась здесь) и которой суждено было стать женой грубого, пьяного и невежественного надзирателя. Но в документальной книге очерков писатель не считает себя вправе прибегать к художественному вымыслу; он лишь стремится внушить читателю сочувствие к этой невинно загубленной жизни, он сам глубоко потрясен судьбой «сахалинской Гретхен» — нежной и тонкой Тани.

Тем же гуманизмом проникнуто и глубоко сочувственное описание коренных сахалинских жителей — гиляков и айнов. Писатель отмечает «деликатность гиляков, их этикет, не допускающий высокомерного и властного отношения к людям». «Принятые на себя обязательства гиляки исполняют аккуратно» и т. д. (X, 135, 141). Но и здесь Чехов не может пройти мимо развращающего влияния чиновников, которые спаивали гиляков, покупая у них за бесценок дорогие меха, «затем гиляки были приглашены к участию в поимке беглых, причем за каждого убитого или пойманного беглого положено было денежное вознаграждение» (X, 143). Так организовывалась охота на людей.

Об айнах Чехов пишет: «Бескорыстие, откровенность, вера в дружбу и щедрость составляют их обычные качества. Они правдивы и не терпят обманов» (X, 185). Вместе с тем писатель с грустью констатирует бедственное положение этой вымирающей народности (для помощи которой чиновники ничего не пред-

принимали), и в заключение рисует с мягким юмором следующую картину: «В настоящее время айно, обыкновенно без шапки, босой и в портах, подсученных выше колен, встречаясь с вами по дороге, делает вам реверанс и при этом взглядывает ласково, но грустно и болезненно, как неудачник, и как будто хочет извиниться, что борода у него выросла большая, а он все еще не сделал себе карьеры» (X, 183).

* * *

Книга Чехова — своеобразное сочетание научного исследования (медицинской диссертации) с художественным очерком. Это, пожалуй, единственное произведение Чехова, где он выступает сразу и как врач-исследователь и как писатель. Отсюда — с одной стороны, строгая документальность, обилие цифр (хотя в процессе работы Чехов постоянно стремился уменьшить количество чисто цифрового материала), а с другой стороны, — прекрасный очерк быта и положения ссыльных. В большинстве случаев очень трудно определить, где кончается Чехов-врач и начинается Чехов-писатель — и наоборот.

Чрезвычайно важное значение имеет в книге образ самого автора, от имени которого ведется повествование. Сам Чехов сознательно не выдвигается на первый план: он ведь пишет не о себе, а о Сахалине и сахалинцах. Но оценки, суждения, наблюдения и выводы автора для нас очень важны, ведь Чехов воздействует на читателей не только цифрами или тщательно подобранным документальным материалом, но и самым тоном своего рассказа, своими личными суждениями.

Часто в художественных произведениях Чехова не было прямых оценок; он рассчитывал на активность читательского восприятия, надеясь, что читатель, правильно усвоив содержание его произведения, сам сделает необходимые выводы.

Однако в «Острове Сахалине» автор не может сдерживать своего гнева, возмущения, и отсюда прямые оценки изображаемой жизни. Достаточно вспомнить чрезвычайно показательное в этом отношении описание поселка Дуэ — **«страшного, безобразного и во всех отношениях дрянного места, в котором по своей доброй воле могут жить только святые или глубоко испорченные люди»** (X, 91).

О симпатиях или антипатиях автора не приходится догадываться или спорить. Мы уже писали о резко критическом отношении Чехова почти ко всем представителям тюремной администрации. Симпатии же писателя полностью на стороне тех про-

стых людей, часто ни в чем не виноватых, которых царское правительство сослало на Сахалин, превращенный в «место невыносимых страданий человека».

Замечательное умение Чехова «кратко писать о длинных вещах» проявилось и в «Острове Сахалине». Вот, например, описание праздника в Александровске по поводу приезда генерал-губернатора Корфа. В книге это описание занимает всего около 20 строк. В них речь идет о **празднике**, но какой тоской, каким глубоко безотрадным чувством проникнуто это описание...

«Вечером была иллюминация. По улицам, освещенным площадками и бенгальским огнем, до позднего вечера гуляли толпами солдаты, поселенцы и каторжные. Тюрьма была открыта. Река Дуйка, всегда убогая, грязная, с лысыми берегами, а теперь украшенная по обе стороны разноцветными фонарями и бенгальскими огнями, которые отражались в ней, была на этот раз красива, даже величественна, но и смешна, как кухаркина дочь, на которую для примерки надели барышино платье. В саду генерала играла музыка и пели певчие. Даже из пушки стреляли, и пушку разорвало. И, все-таки, несмотря на такое веселье, на улицах было скучно. Ни песен, ни гармоники, ни одного пьяного; люди бродили, как тени, и молчали, как тени. Каторга и при бенгальском освещении остается каторгой, а музыка, когда ее издали слышит человек, который нигде уже не вернется на родину, наводит только смертную тоску» (X, 31).

Язык Чехова строг и точен: он не позволяет себе излишних и ненужных для его писательской манеры лирических восклицаний. Весь кошмар, описанный Чеховым, в сочетании с тонкой сдержанностью языка повествователя становится еще более ощутимым и потому еще более ужасным. В качестве примера можно вспомнить то место в книге, где, как говорилось в одной из критических статей, «с мастерством, достойным гениального художника, изображено телесное наказание каторжника — это классические страницы, мало равных себе имеющие даже в нашей литературе»²²).

В ходе повествования, желая дать читателю более яркое представление о тех людях, с которыми ему приходилось встречаться, Чехов широко пользуется приемом литературных ассоциаций и сравнений. Александровский доктор оказывается похожим на Ибсена (X, 25), один из старейших сахалинских надзирателей «лицом живо напоминает покойного писателя Фета» (X, 127). О каторжнике Кузнецове Чехов пишет: «Это крепкий, смуглый, довольно красивый мужчина лет сорока, повидимому

гордый и дикий; он мне напомнил Тома Айртона из «Детей капитана Гранта» (X, 316). И внешний вид гилея вызывает у Чехова воспоминание об одном из героев бессмертной комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль»: «Когда он со своею жидкой бородкой и с косичкой, с мягким, бабьим выражением стоит в профиль, то с него можно писать Кутейкина...» (X, 136).

Эти литературные ассоциации и сравнения часто включают в себе и оценку: сахалинских чиновников Чехов называет «семью Держиморды и Яго» (X, 284), а дочь поселенца — «сахалинской Гретхен». Так становится совершенно ясной позиция самого писателя.

Общей — мрачной — тональности книги соответствуют и пейзажи, в обилии встречающиеся на страницах «Острова Сахалина». Нельзя сказать, чтобы Чехов не видел своеобразной красоты острова; можно вспомнить прекрасное описание арковской долины, куда автор советовал специально приехать художнику-пейзажисту — настолько это место богато самыми разнообразными красками (X, 89). Живя в Александровске, Чехов любил ходить на мыс Жонкьер. «Чем выше поднимаешься, тем свободнее дышится; море раскидывается перед глазами, приходят мало-помалу мысли, ничего общего не имеющие ни с тюрьмой, ни с каторгой, ни с ссыльною колонией, и **тут только сознаешь, как скучно и трудно живется внизу**» (X, 71). Забыть об этом писатель не мог.

Он был настолько потрясен человеческими страданиями, что красоты природы на острове каторги его скорее отталкивали, чем привлекали: «Должно быть, это своеобразно красиво, но предубеждение против места засело так глубоко, что не только на людей, но даже на растения смотришь с сожалением, что они растут именно здесь, а не в другом месте» (X, 92).

И большинство пейзажей в книге получились мрачные, суровые, еще более усиливающие то тяжелое впечатление, которое возникает в душе читателя от описаний всех мучений людей. Море, раскинувшееся на тысячи верст, представлялось писателю угрюмым и злым. «Когда с мальчика, начитавшегося Майн-Рида, падает ночью одеяло, он зябнет, и тогда ему снится именно такое море. Это — кошмар» (X, 110). Даже в шуме бьющихся волн слышится «бессильная, злобная тоска» (X, 145). А «с высокого берега смотрели вниз чахлые, больные деревья; здесь на открытом месте каждое из них в одиночку ведет жестокую борьбу с морозами и холодными ветрами, и каждому приходится осенью и зимой, в длинные страшные ночи, качаться не-

угомонно из стороны в сторону, гнуться до земли, жалобно скрипеть — и никто не слышит этих жалоб» (X, 86).

Этот великолепно нарисованный образ чахлах и больных деревьев, ведущих жестокую борьбу с морозами и ветрами, невольно вызывает в памяти несчастных людей, чьи жалобы на судьбу тоже никто не слышит. Быть может, людей-то именно и имел в виду Чехов, когда писал о волнах, как будто желавших сказать в отчаянии: «Боже, зачем ты нас создал?».

* * *

Однако Чехов не хотел, чтобы после прочтения его книги у читателей создалось впечатление, что Сахалин «никому не нужен и ни для кого не интересен». Писатель высоко оценивал экономические возможности острова и призывал быть благодарными тем замечательным русским исследователям, которые, совершая «изумительные подвиги», исследовали Сахалин. Не случайно Чехов в своей книге с глубоким почтением вспоминал Г. И. Невельского: «Это был энергический, горячего темперамента человек, образованный, самоотверженный, гуманный, до мозга костей проникнутый идеей и преданный ей фанатически, чистый нравственно» (X, 14). Не менее высокую оценку Чехова заслужила «беззаветная, геройская преданность делу» сподвижника Невельского — лейтенанта Бошняка (X, 108).

Писатель был возмущен тем, что «...на Сахалине дают названия селениям в честь сибирских губернаторов, смотрителей тюрем и даже фельдшеров, но совершенно забывают об исследователях, как Невельской, моряк Корсаков, Бошняк, Поляков и многие другие, память которых, полагаю, заслуживает большего уважения и внимания, чем какого-нибудь смотрителя Дербина, убитого за жестокость» (X, 72).

Только бездарное царское правительство могло посчитать Сахалин бесполезным и, не зная, как использовать природные условия острова, устроило на нем каторгу. Чехов же видел богатства Сахалина и верил, что будущность острова может быть «завидной и счастливой» (X, 249).

Но пока на Сахалине расположена каторга — не может быть правильной разработки естественных богатств острова. Производительность труда ссыльно-каторжных была ничтожной. «Нет такого промысла, в котором, при столкновении интересов, свободные не брали бы верх над ссыльными» (X, 253). Поэтому «попытка приурочить труд ссыльных к сельскому хозяйству потерпела полную неудачу» (X, 242). К подобному же выводу

пришел Чехов, изучая вопрос о рыболовстве. «Рыба составит богатство Сахалина, но не ссыльной колонии» (X, 253). Так писатель подходил к основному выводу всей книги; он доказал не только экономическую невыгодность и бессмысленность существования каторги на Сахалине, но и то большое значение, которое может иметь этот далёкий остров для России.

6. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КНИГИ ЧЕХОВА «ОСТРОВ САХАЛИН»

Путешествие на Сахалин имело для Чехова очень большое значение. Писатель-реалист почувствовал с особенной силой необходимость жить большой общественной жизнью, быть связанным с народом.

Рассказав о своем путешествии морем из Сахалина в Одессу, Чехов писал Суворину:

«Хорош белый свет. Одно только не хорошо: мы. Как мало в нас справедливости и смирения, как дурно понимаем мы патриотизм! Пьяный, истасканный забуддыга-муж любит свою жену и детей, но что толку от этой любви? Мы, говорят в газетах, любим нашу великую родину, но в чем выражается эта любовь? Вместо знаний — нахальство и самомнение паче меры, вместо труда — лень и свинство, справедливости нет, понятие о чести не идет далее «чести мундира», мундира, который служит обыденным украшением наших скамей для подсудимых. Работать надо, а все остальное к черту. Главное — надо быть справедливым, а все остальное приложится» (XV, 131).

Очень важно, что эти глубокие мысли о патриотизме Чехов высказывает после возвращения из Сахалина. Это — его программа деятельности, это то, ради чего он предпринял путешествие. **Работать надо** — это и есть истинный патриотизм.

Спустя несколько дней Чехов снова пишет Суворину, подводя итог их недавнему спору: «Как Вы были неправы, когда советовали мне не ездить на Сахалин. У меня...теперь... и чертова пропасть планов, и всякие шутки, а какой кислятиной я был бы теперь, если бы сидел дома...». И, стремясь точнее выразить

мысль о том; какое благотворное значение имело для него сахалинское путешествие, Чехов добавляет: «Не то я возмужал от поездки, не то с ума сошел — черт меня знает» (XV, 136).

Мы вправе говорить о возмужании и самого Чехова и его писательского таланта.

Даже личная жизнь теперь не удовлетворяет писателя: путешествие на Сахалин кажется ему такой яркой страницей в его биографии, что все остальное по сравнению с ней меркнет: «После сахалинских трудов и тропиков моя московская жизнь кажется мне до такой степени мещанскою и скучною, что я готов кусаться...» (XV, 144). Это изменившееся отношение к жизни, повышение требовательности к себе сказалось, разумеется, и в его новых произведениях — в том числе и в «Острове Сахалине».

Известна скромность Чехова, известно, как строго он сам относится порою даже к лучшим своим вещам. Но «Островом Сахалином» сам автор остался доволен. «Медицина не может теперь упрекать меня в измене: я отдал должную дань учености и тому, что старые писатели называли педантством. И я рад, что в моем беллетристическом гардеробе будет висеть и сей жесткий арестантский халат. Пусть висит!» (XVI, 111—112).

Для современного читателя может быть непонятным, почему книга о Сахалине, где затронуты самые разнообразные вопросы, в представлении автора была связана прежде всего с медициной? Для того времени в этом ничего необычного не было. Так, среди профессоров медицинского факультета Московского университета, где учился Чехов, был, например, известный ученый Ф. Ф. Юрисман, организовавший специальную гигиеническую лабораторию, в которой под его руководством всесторонне исследовались фабричные заведения Московского уезда, быт фабричных рабочих, условия их жизни и т. д.²³). В этом же направлении шел и Чехов, когда предпринимал изучение жизни каторжников на о. Сахалине, и не случайно один из крупных медицинских авторитетов той поры, доктор М. Членов, утверждал, что «Остров Сахалин» «в будущем, когда у нас откроется, наконец, столь необходимая кафедра этнографически-бытовой медицины, будет, конечно, служить образцом для произведений этого рода»²⁴).

Вот почему Чехов имел право написать в 1901 г. о том, что его книга о Сахалине — «это вместо диссертации, которую я замыслил написать после 1884 г. — окончания медицинского факультета» (XIX, 199).

Но на самом деле значение книги Чехова было гораздо ниже, и современники высоко оценивали труд писателя не только с медицинской точки зрения, а прежде всего — с общественно-политической.

Действительно, книга «Остров Сахалин», сдержанная по тону, насыщенная точными фактами, правдивая, как бывает правдив документ, произвела огромное впечатление в России и за границей. Она привлекала к Сахалину внимание русской общественности и явилась своего рода обвинительным актом, предъявленным писателем самодержавию.

Отдельное издание книги Чехова появилось в 1895 г. Как известно, к этому времени относится начало нового всенародного под'ема: усиливается рабочее движение, увеличивается число крестьянских бунтов. Именно в этот период «Социал-демократия, — как писал В. И. Ленин, — появляется на свет божий, как общественное движение, как под'ем народных масс, как политическая партия»²⁵).

В общественной борьбе своей эпохи Чехов стоял на общедемократических позициях; он не видел еще конкретных путей, которые могли бы привести к коренному переустройству существовавших порядков, но он принадлежал к тем представителям передовой демократической интеллигенции, которая, не желая мириться с реакционной политикой царского самодержавия, выступала против социального неравенства, против угнетения народа, во имя прекрасного будущего своей Родины.

Вот почему книга Чехова «Остров Сахалин», появившаяся в печати в начале нового под'ема революционного движения, имела огромное общественно-политическое значение. Гневные и страстные, скорбные и разоблачающие строки этой книги жгли сердца людей своей правдой, будили их мысль и объективно звали к изменению существующих порядков.

В первые дни после возвращения А. П. Чехова и во время написания книги «Остров Сахалин» писателя с утра и до вечера, изо дня в день осаждали различные корреспонденты, представители всевозможных обществ, студенческая молодежь и т. д., выпрашивая у него все о Сахалине, приглашая на различные вечера, собрания, литературные собеседования и т. д.

В неопубликованном письме к Кононовичу (19 февраля 1891 г.) Чехов сообщал: «В Петербурге я не принадлежал самому себе, меня разрывали на части; я замучен был беспрерывно ходить по визитам, принимать у себя и без умолку

говорить... Разумеется, больше всего приходилось говорить о Сахалине»²⁶).

И несколько ранее, 27 января 1891 года Чехов не без некоторого удивления писал: «Поездке моей на Сахалин придали значение, которого я не мог ожидать: у меня бываю и статские и действительные статские советники. Все ждут моей книги и пророчат ей серьезный успех, а писать некогда» (XV, 156).

В архиве Чехова сохранилось много писем от читателей, свидетельствующих о той заинтересованности, с какой ожидалась книга о далеком острове. Естественно, что с особым нетерпением книга эта ожидалась на Сахалине. Сахалинские знакомые часто писали Чехову: «Я очень интересуюсь Вашей будущей работой по Сахалину» (Доктор А. Щербак, 14 февраля 1891г. — ЛБ, п. 64, ед. 3). «Книгу Вашу о Сахалине ожидаю с нетерпением. У нас кем-то был распушен слух, что будто ее Вам не позволяют печатать. Это, конечно, вздор?» (Д. Булгаревич, 21 января 1891 г. — ЛБ, п. 37, ед. 53). И еще одно письмо: «Сердечно буду Вам благодарен, если Вы будете так милы, что пришлете по выпуске в свет своей работы о Сахалине и мне экземпляр, который будет мне воспоминанием, что на окраине Востока пришлось мне встретить такого человека, как Вы, к которому душа и сердце сразу были расположены и очарованы. Не примите это за лесть, все, что высказываю на бумаге, подсказывает сердце. Таких людей, как Вы, на нашем Сахалине можно увидеть только один раз в десять лет, а то и того менее» (А. Бутаков, начальник Тымовского округа. 14 декабря 1891 г. — ЛБ, п. 37, ед. 58).

А когда в 1891 году в печати появилась одна глава из задуманной книги (глава о беглых в сборнике «Помощь голодающим»), с далекого острова сразу же последовал сочувственный отклик Булгаревича, который работу писателя назвал «интересной и симпатичной»: «Симпатична она, на мой взгляд, по своей тенденции — срочность и не безвозвратность на родину каторги, живучесть в ней, несмотря на все мытарства, человечности и пр. Интересна мне она по собранному материалу и группировке его.

...Вообще же за статью большое спасибо. Она отрезвила хоть на некоторое время» (23 апреля 1892 г. — ЛБ, п. 37, ед. 53).

После того, как книга полностью была опубликована, количество читательских писем увеличилось. И во всех письмах

звучала искренняя благодарность писателю за его труд, в котором видели прежде всего общественную заслугу автора²⁷⁾.

В критике «Остров Сахалин» был встречен в основном благожелательно²⁸⁾ (обзор критических отзывов см. в комментариях к книге — X, 510 — 511).

В одной критической статье была высказана, в частности, мысль о желательности дешевого издания сахалинских очерков, которые тогда были бы прочитаны огромным большинством грамотных людей²⁹⁾.

Появление в печати сочувственных отзывов весьма характерно. Действительно, значение книги Чехова трудно переоценить. Характерно, что почти все, писавшие после него о Сахалине, отмечали, что «виновником интереса, возбужденного островом изгнания, нужно считать А. П. Чехова³⁰⁾. Важно отметить также, что очерки Чехова вызвали желание у представителей передовой молодежи личным трудом помочь ссыльным на Сахалине³¹⁾.

И без того большая известность и популярность писателя, его авторитет в глазах общества после поездки и написания книги о Сахалине очень возросли. Самой же большой наградой для Чехова было общественное влияние его книги и ее широкое распространение.

Естественно, что появление в печати «Острова Сахалина» было крайне неприятно для царского правительства вообще и представителей тюремной администрации в особенности. В. Дорошевич рассказывал, что сахалинские «деятели» впоследствии горько раскаивались в том, что позволили Чехову побывать на Сахалине. «Тут, батюшка, Чехова пустили — так потом каялись! Пошли из Петербурга запросы... Как у вас? Что? Почему? Отчего такие порядки? Потом себя кляли, кляли, что покажали!»³²⁾.

Судя по некоторым данным, после выхода очерков о каторжном острове писатель был даже взят полицией «под наблюдение»³³⁾.

Но книга «Остров Сахалин» произвела такое большое впечатление на читателей, ее отзыв был настолько силен, что царское правительство, для того, чтобы несколько успокоить взволнованное общество, вынуждено было даже послать комиссию на Сахалин для «упорядочения» положения, были даже предприняты некоторые реформы. Современники считали, что в этом немалая заслуга принадлежала Чехову. Известный

юрист А. Ф. Кони утверждал, что «книга Чехова не могла не обратить на себя внимание Министерства юстиции и Главного тюремного управления, нашедших нужным через своих представителей ознакомиться с положением дел на месте»³⁴).

Брат писателя, М. П. Чехов, в свою очередь, считал, что «реформы по вопросу о каторге и ссылке... произошли не без его (Чехова) влияния»³⁵).

Правда, переоценивать значения этих реформ не следует. Комиссии, посланные царским правительством, не могли, разумеется, принять выводы книги Чехова³⁶).

А выводы Чехова — о необходимости уничтожения каторги на Сахалине, о ликвидации пожизненного наказания, о решительном смягчении закона о ссыльных — были, несомненно, глубоко прогрессивны в то время.

Книга «Остров Сахалин» выполнила основную задачу, поставленную автором. Чехов возбудил интерес в обществе к «острову страданий и слез». Писатель по существу сделал свою книгу разоблачающим документом, притворившимся к позорному столбу самодержавный строй, для которого существование каторжного острова являлось необходимостью.

* * *

Мы говорили о важном общественно-политическом значении книги Чехова. Но не меньшее значение имеет «Остров Сахалин» и в литературном отношении. Хорошо об этом сказал один из современников писателя, который в письме к Чехову выражал чувство «глубочайшего уважения» к его трудам «по исследованию Сахалина, трудам, которые **одинаково принадлежат и русской науке, и русской литературе**» (X, 515).

Прежде всего нужно сказать, что тема Сахалина была уже частично затронута в русской литературе и до Чехова. Пожалуй, впервые в русской художественной литературе упоминание о Сахалине мы находим в известной книге замечательного русского писателя И. А. Гончарова «Фрегат Паллада». Книгу эту Чехов очень ценил — еще в 1879 г., будучи гимназистом, он рекомендовал своему брату Михаилу прочесть «Фрегат Паллада» как «нескучное путешествие» (XIII, 30). Прошло немногим более десяти лет, и Чехов вновь перечитывает книгу Гончарова и даже специально помещает «Фрегат Палладу» в список книг и статей, которыми он пользовался при подготовке к своему путешествию на Сахалин (X, 522).

И в черновой рукописи «Острова Сахалина» писатель вспо-

минает «проплывающего по Татарскому проливу И. А. Гончарова» (X, 433).

В своей книге «Фрегат Паллада» Гончаров еще в 50-х гг. XIX в. особенное внимание уделил природным богатствам острова, в частности, угольным запасам.

Уже во времена Гончарова в бухте Угольной, там, где расположен теперь город Углегорск, проходящие корабли брали уголь для своих нужд. Плавая по проливу, «шхуна усердно жгла некупленный, добытый руками ее матросов на Сахалине уголь», — замечает Гончаров.

Интерес к далекому острову проявил и В. Г. Короленко, который отразил жизнь ссыльно-каторжных и их побег с о. Сахалина в своем рассказе «Соколинец». Чехову этот рассказ очень понравился, и в письме к автору он писал: «Ваш «Соколинец», мне кажется, самое выдающееся произведение последнего времени» (XIV, 12). Можно предположить, что и рассказ Короленко о Сахалине (в ряду целого ряда других причин) способствовал проявлению интереса Чехова к острову — каторге и жизни на нем ссыльных.

Готовясь к поездке и работая над книгой, Чехов вновь перечитал те художественные произведения русских писателей, которые, хотя и не относились непосредственно к Сахалину, но были посвящены — в той или иной мере — описанию жизни каторги (Ф. М. Достоевский — «Записки из мертвого дома», Н. А. Некрасов — «Русские женщины» и др.).

Перед Чеховым стояла специальная задача — он создавал не беллетристическое произведение, а книгу очерков, построенную на строго научной основе. Однако он не мог не определить своего отношения к тем конкретным вопросам жизни ссыльных, которыми уже до него интересовалась русская литература. Поэтому, следуя в ряде случаев за своими предшественниками (в черновой рукописи при описании особого вида тюремной торговли писатель прямо ссылался на Достоевского — X, 388), Чехов говорит и о некоторых недостатках, которые были свойственны произведениям о каторжных. К этим недостаткам относится прежде всего, по его мнению, стремление к некоторой идеализации ссыльных. Правда, он сам же объясняет и причину этого: литература таким образом пыталась бороться с лицемерием буржуазного общества, считавшего, что «если мужик часто живет дома хуже, чем на каторге, то... каторга должна быть адом» (X, 99).

Чехов, прекрасно ознакомившийся с жизнью каторги не

только по книжным источникам, но и по личным впечатлениям, получает возможность критически отнестись к упомянутым художественным произведениям, причем его критика основывается на требовании строгой жизненной правды. Даже о рассказе Короленко, столь восхитившем его, Чехов пишет: «Для того, чтобы бежать (с острова), совсем нет надобности в тех приготовлениях и предосторожностях, какие описаны в прекрасном рассказе В. Г. Короленко «Соколинец» (X, 314).

В своей книге Чехов убедительно показал, какой нечеловечески тяжелый труд выпал на долю сахалинских каторжных; труд этот был страшным и оупляющим не только в рудниках, но и при прокладке новых дорог, и в лесу, и при ловле рыбы, и даже при строительстве собственной избы. Это дает основание писателю заметить: «В обществе и отчасти в литературе установился взгляд, что настоящая, самая тяжелая и самая позорная каторга может быть только в рудниках. Если бы в «Русской женщине» Некрасова герой, вместо того, чтобы работать в руднике, ловил для тюрьмы рыбу или рубил лес, то многие читатели остались бы неудовлетворенными» (X, 99).

Книга Чехова представляет **всеобъемлющее** описание сахалинской каторги. Он использовал огромный материал, касающийся не только ссылки, истории заселения острова, но и его климата, природных богатств, этнографии и т. д. Все это делает «Остров Сахалин» произведением, пожалуй, единственным в литературе по точности и подчеркнутой документальности.

Однако в то же время нельзя забывать о том, что книга о Сахалине создана замечательным **писателем** и что «в ней, за строгой формой и деловитостью тона, за множеством фактических и цифровых данных, чувствуется опечаленное и негодующее сердце писателя»³⁷).

В истории русской литературы конца XIX в. книга Чехова принадлежит, несомненно, видное место. В годы начинающегося нового общественного под'ема писатель содействовал дальнейшей демократизации литературы, обращавшейся все чаще к непосредственному воспроизведению жизни народа, его социального и экономического положения, его мыслей, чувств и надежд.

Среди многих произведений, созданных русскими писателями в те годы, «Остров Сахалин» Чехова по содержанию и по форме ближе всего примыкает к очеркам В. Г. Короленко «В голодный год». Сама по себе творческая близость Чехова и Короленко, конечно, не удивительна. Чехов, всегда с большой

симпатией относившийся к Короленко, писал ему 17 октября 1887 г.: «Я глубоко ценю и люблю Ваш талант; он дорог для меня по многим причинам... Мне кажется, что если я и Вы проживем на этом свете еще лет 10 — 20, то нам с Вами в будущем не обойтись без точек общего схода... Читая Вас и теперь познакомившись с Вами, я думаю, что мы друг другу не чужды» (XIII, 375. — 376).

«Точки общего схода», пользуясь выражением Чехова, и проявились в книгах великих русских писателей-демократов, которые были опубликованы почти одновременно («Остров Сахалин» начал печататься в журнале «Русская мысль» за 1893 год, начиная с № 10, а в конце того же года очерки Короленко вышли отдельным изданием. Это обстоятельство тем более могло натолкнуть читателей на сопоставление этих произведений).

Казалось бы, какое может быть сходство между каторжным островом — Сахалином и Лукояновским уездом Нижегородской губернии! Однако выяснилось, что безмерное угнетение народа, крайняя нищета, тщательно скрываемая официальными лицами из своекорыстных побуждений — все это происходило не только в местах «весьма отдаленных». Не только на Сахалине происходили такие чудовищные вещи, как смерть человека от голода (X, 88) — это происходило и в центре России, в Нижегородской губернии. Та же боль за поруганное детство, которая звучала в книге о Сахалине Чехова, звучит и у Короленко, когда он пишет, как плачут голодные дети в то время, когда их мать, сгорая от мучительного стыда, просит под окнами кусок хлеба.

Два замечательных русских писателя на разном жизненном материале решали одну и ту же задачу: раскрывали перед читателями вопиющие беззакония царского самодержавия, прямо возвращающегося к нравам и порядкам крепостничества, жертвами которого становились простые русские люди, доведенные до обнищания и голодной смерти.

Те подлинно-патриотические чувства, которые руководили Чеховым в его труде, были характерны и для Короленко, думавшего прежде всего о том, как помочь страдающим людям;

«У меня была надежда, — писал он, — что, когда мне удастся огласить все это, когда я громко на всю Россию расскажу об этих дубровцах, пралевцах и петровцах, о том, как они стали «нежелателями», как «дурная боль» уничтожает целые деревни, как в самом Лукоянове маленькая девочка просит у

матери «зарыть ее живую в земельку», то, быть может, мои статьи смогут оказать некоторое влияние на судьбу этих Дубровок»³⁸).

Подобные мысли были и у Чехова, когда он создавал свою книгу о Сахалине.

О том, какую значительную роль сыграл «Остров Сахалин» в литературе тех лет, хорошо было сказано в одной из критических статей, появившихся еще при жизни Чехова:

«Раскрыв эту книгу, вы уже не можете оторваться, увлеченные прелестью рассказа, удивительного по сжатости, чистоте и целомудренной сдержанности языка, что придает отдельным местам, особенно ярким по содержанию, глубоко трагический оттенок...

«Остров Сахалин», бесспорно, классическое произведение, наряду с которым можно поставить разве «Фрегат Палладу» Гончарова, и, как таковое, он должен бы войти в состав всякой образовательной библиотеки. По яркости языка очерки Чехова не уступают пластичности гончаровских описаний, но они превосходят их содержательностью и живостью темы. К тому же, очерки производят несравненно более сильное впечатление благодаря тому, что автор, в противность олимпийской холодности Гончарова, нигде не скрывает своего отношения к описываемым ужасам. Не подчеркивая и отнюдь не стараясь ставить точки над и, автор превосходной группировкой фактов и личных наблюдений вырисовывает такую потрясающую картину жизни на Сахалине, что совершенно подавленный и глубоко пристыженный закрываешь книгу и долго не можешь отделаться от полученного впечатления. Если бы Чехов ничего не написал более, кроме этой книги, имя его навсегда было бы вписано в историю русской литературы и никогда не было бы забыто в истории русской ссылки»³⁹).

7. ОТРАЖЕНИЕ САХАЛИНСКИХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ ЧЕХОВА

Долгое время считалось, что у Чехова, среди его рассказов, повестей, пьес, нет ни одного произведения, специально посвященного сахалинской жизни. Между тем, обнаруженные совсем недавно воспоминания С. Фельдмана свидетельствуют, что Чехов, еще будучи на Сахалине, создал ряд небольших очерков исключительно на местном материале. Часть сахалинских очерков была посвящена детям каторжных. Кроме того, Чехов написал большой рассказ из бродяжеской жизни «беглых»⁴⁰). Судя по этим воспоминаниям, в Корсакове Чехов, когда он бывал «в ударе», читал немногочисленной аудитории юморески из жизни сахалинских чиновников.

«Эти юморески не предназначались для печати.

И тут же, по прочтении, безжалостно уничтожались»⁴¹).

К числу написанных на Сахалине вещей С. Фельдман относит также целую комедию.

«После Чехова осталось много очерков, рассказов и даже одна трехактная комедия, не появившаяся в печати «по независящим от автора обстоятельствам».

Эти очерки, рассказы и комедия написаны Чеховым в бытность его на Сахалине и рисуют исключительно сахалинские нравы.

Так, например, в комедии, озаглавленной «Генерал Кокет», выведено одно видное, служившее некогда на Сахалине лицо, нарисованное с присущим Чехову мастерством и юмором.

Чехов читал эту пьесу некоторым своим сахалинским знако-

мым, и, судя по их отзывам, комедия написана очень интересно и колоритно.

В 1892 г. Чехов писал одному из своих добрых друзей, что пьеса совершенно готова к печати, но издание ее сопряжено с некоторыми затруднениями⁴²⁾.

Это сообщение о комедии «Генерал Кокет» (в литературе об этой комедии до последнего времени не было ни одного упоминания) очень интересно. К сожалению, других прямых подтверждений существования комедии под таким названием не имеется. Мария Павловна Чехова в ответе на наш специальный запрос писала: «Насчет пьесы Антона Павловича «Генерал Кокет» ровно ничего не знаю. В разговорах со мной он никогда не упоминал о такой пьесе» (письмо от 16 июля 1956 г.).

Между тем, слухи о том, что Чеховым написана какая-то пьеса из сибирской жизни (тогда Сахалин включался в понятие «Сибирь») проникли и в печать. В одной из московских газет летом 1893 г. появилась следующая заметка: «Известный беллетрист Антон Чехов только что окончил новую комедию, героем которой является один из сосланных в Сибирь известных петербургских дельцов». Редактор журнала «Северный вестник» Л. Я. Гуревич, заинтересованная в сотрудничестве Чехова, отправив ему вырезку из газеты с этим сообщением, спрашивала: «Многоуважаемый Антон Павлович, правда ли это, и если правда, то не подойдет ли это для нас». (ЛБ., п. 41, ед. 39)

Чехов, отвечая Гуревич, в чрезвычайно решительных тонах отверг газетное сообщение (XVI, 69). В письме к Суворину, имея в виду ту же заметку в газете, писатель сообщил: «Пьесы из сибирской жизни я не писал и забыл о ней» (XVI, 72). В данном случае Чехов выражается не столь решительно, как в письме к Гуревич: если он «не писал» пьесы, то как он мог «забыть» о ней? Стало быть, мысль хотя бы о пьесе существовала. В связи с этим можно вспомнить одну фразу из письма Чехова к Егорову (26 января 1892 г.): «Увы! Пьеса моя поставлена не будет» (XV, 313). Неизвестно, о какой именно пьесе идет речь — может быть, о комедии «Генерал Кокет»?

В то же время нельзя не обратить внимание на совершенно уверенный тон воспоминаний Фельдмана: он сообщает о пьесе Чехова как о несомненном факте, ссылаясь даже на то обстоятельство, что автор читал уже законченную комедию своим сахалинским знакомым. Кстати говоря, «Кокет» на Сахалине действительно существовал — так иронически называли начальни-

ка Александровского округа С. И. Таскина; это прозвище встречается в письмах сахалинцев к Чехову (X, 543).

Но, как бы то ни было, комедия Чехова, о которой сообщает Фельдман, до сих пор, к сожалению, не найдена.

Однако, судя хотя бы по сохранившимся произведениям, путешествие на Сахалин не прошло бесследно для Чеховского творчества.

5 декабря 1890 г. писатель прибыл в Москву, а 23 декабря он уже послал для опубликования рассказ «Гусев», который писатель задумал и начал еще во время путешествия домой — на о. Цейлоне (Коломбо).

Во время обратного путешествия Чехов видел, как двое покойников были брошены с парохода в море, наблюдение послужило основой для рассказа, посвященного, прежде всего, печальной судьбе забитого русского крестьянина, попавшего солдатом на Дальний Восток и умершего по пути домой.

Прошло несколько месяцев, и Чехов, летом 1891 г., написал рассказ «Бабы» (он создавался параллельно с работой писателя над «Островом Сахалином»). На Сахалине Чехову приходилось встречаться с женщинами, осужденными «за преступления романтического и семейного характера: «за мужа пришла», «за свекровь пришла»... Это все больше убийцы, **жертвы любви и семейного деспотизма**» (X, 211).

В документальной книге о каторге писатель, естественно, не мог излагать своих соображений об этих «жертвах», но в рассказе «Бабы» он воссоздает печальную историю Машеньки, отданной замуж совсем молодой — ей было тогда 17 лет — за нелюбимого человека. Рассказ ведется от имени Матвея Саввича, развратника и лицемера, которого на свою беду полюбила Машенька и который, после того, как она ему надоела, начал, вспоминая бога, уговаривать несчастную женщину покориться и покаяться перед мужем. Слезы Машеньки, ее отчаянные слова «не могу жить с постылым, сил моих нет! Если не любишь, то лучше убей!» — не трогают бессердечного Матвея Саввича. Муж жестоко избивает «неверную жену». Измученная Машенька не выдержала и решилась на крайний шаг — она отравила мужа и была осуждена на каторжные работы.

Так художественное произведение раскрывает перед нами один из многих трагических случаев, приводивших женщин на Сахалин, так выясняется, что имел в виду Чехов, когда писал о «жертвах любви и семейного деспотизма».

Правда, Машенька не попала на Сахалин: она умерла в

тюрьме, но несомненно, что именно сахалинские встречи могли внушить писателю мысль о подобном рассказе.

В мае 1892 г. был опубликован новый рассказ Чехова «В ссылке». Уже одно название наталкивает на мысль, что и здесь отразились впечатления писателя от всероссийской ссылки на острове Сахалине. Действительно, хотя события, описанные в рассказе и происходят в Сибири, нет никаких сомнений, что именно сахалинские наблюдения положены в основу этого произведения. Это можно показать даже путем простого сопоставления текстов рассказа и книги о Сахалине.

На острове Чехов встретил бродягу по прозвищу Красивый — босого, подвижного старика. На каторге он «управлял» перевозом через реку Дуйку (в районе Александровска). Перевозчик этот поразил писателя не только добродушным видом, но — неожиданной на каторге — полной удовлетворенностью жизнью. Он всем доволен, всем безропотно повинуетя, желаний у него никаких нет — «слава тебе, господи!»

В рассказе «В ссылке» в центре — бродяга Семен, прозванный Толковым, тоже перевозчик. И Толковый активно проповедует своеобразную философию непротивления:

«В ССЫЛКЕ»

«Уж двадцать два года так хожу. День и ночь. Щука и нельма под водой, а я над водой. И слава богу. Ничего мне не надо. Дай бог всякому такой жизни» (VIII, 81).

«ОСТРОВ САХАЛИН»

«Он (Красивый) рассказывает, что на Сахалине за все 22 года он ни разу не был сечен и ни разу не сидел в карцере.

— Потому что посылают лес пилить — иду, дают вот эту палку в руки — беру, велят печи в канцелярии топить — топлю. Повиноваться надо. Жизнь, нечего бога гневить, хорошая. Слава тебе, господи!» (X, 47).

Семен Толковый счастье жизни видел в отсутствии всякого желания. Он сам дошел до того, что может «голый на земле спать и траву жрать» — и тут же добавляет — «И дай бог всякому такой жизни. Как прислали меня сюда из России, я с первого же дня уперся: ничего не хочу! ...Уперся на своем и вот, как видишь, хорошо живу, не жалуюсь» (VIII, 81).

Нельзя не видеть, разумеется, в этих рассуждениях той пассивности, которая под влиянием векового угнетения была присуща определенной части русского крестьянства. Об этом, как известно, много писал Лев Толстой. Чехов, сам испытавший

в свое время некоторое влияние толстовской философии, к началу 90-х гг. сумел преодолеть это влияние. И, интересно отметить, именно после сахалинского путешествия (быть может, после встреч с бродягой Красивым и ему подобными) Чехов уясняет всю ложь проповедей о непротiwлении, смирении, покорности, проповедей, которые особенно фальшиво звучали на острове Сахалине, где угнетение человека было доведено до предела. Недаром писатель особо отмечал, что до поездки на Сахалин «Крейцера Соната» Л. Толстого была для него событием, а теперь кажется смешной и бестолковой (XV; 136).

Исследователями уже отмечалось, что в противоположность Л. Толстому, обычно идеализировавшему «непротiwленцев», рисовавшему их любвеобильными и высоконравственными, Чехов показывает Толкового как человека недобросовестного и зло-радного⁴³). И не случайно рассуждения Толкового вызывают такой живой протест со стороны татарина (пользующегося всеми симпатиями автора), который, не желая мириться с несправедливостями жизни, страстно спорит с перевозчиком.

«Бог создал человека, чтоб живой был, чтоб и радость была, и тоска была, и горе было, а ты хочешь ничего, значит, ты не живой, а камень, глина. Камню надо ничего, и тебе ничего».

Так в рассказе, созданном на материале живых наблюдений над жизнью каторжных, Чехов выступил противником той рабской философии покорности и непротiwления, пропагандистом которой был Л. Толстой.

Летом 1895 г. вышло в свет отдельное издание книги «Остров Сахалин», а осенью того же года был опубликован чеховский рассказ «Убийство», который, кажется, в наибольшей степени является результатом раздумий писателя над судьбой ссыльно-каторжных, условиями их жизни на Сахалине и т. д. «Несомненно, — пишет Михаил Чехов, — что самая тема для рассказа «Убийство» была привезена Антоном Павловичем из Сахалина»⁴⁴).

Рассказав историю одного убийства (на религиозной почве), Чехов в заключительной главе вновь напомнил читателям о тех неимоверно-тяжелых условиях, в которых принуждены были жить ссыльные на Сахалине. «На Дуйском рейде на Сахалине **поздно вечером** остановился иностранный пароход и потребовал угля... Попросили командира подождать до утра, но он не пожелал ждать и одного часа...» И тогда «из Воеводской тюрьмы, самой неприглядной и суровой из всех сахалинских тюрем **погна-ли** в рудник партию арестантов» (IX, 59). Арестанты работали

весь день. Утомленные, обессиленные тяжелым трудом, они не успели даже заснуть, как их снова погнали — именно **погнали**, — Чехов подобрал очень точное слово — в тот же рудник, откуда они еще так недавно вернулись. «Каторжники, только что поднятые с постелей, сонные, шли по берегу, спотыкаясь в потемках и звеня кандалами. Им предстояло нагрузить баржи углем, а затем перегрузить его на пароход — «мучительная работа, когда баржу бьет о пароход и рабочие едва держатся на ногах от морской болезни» (IX, 58).

Яков Иванович (его образ — центральный в рассказе) в прошлой жизни видел теперь только темноту, дикость, бессердечие и тупое, суровое, скотское равнодушие людей, а на каторге от всех ужасов и страданий, которые ему пришлось испытать и «которые, очевидно, будут без перерыва продолжаться до самой смерти, у него трясутся, как у пьяницы, руки и ноги». Яков Иванович ищет утешения в вере в бога — это было разнообразно той самой пассивной философии, которую Чехов так гневно заклеймил еще в рассказе «В ссылке». Но нельзя не почувствовать сочувствия писателя мечте своего героя **«прожить без страданий хотя бы один день»** (IX, 60).

Прошло 5 лет. В конце 1899 года Чехов закончил работу над одним из самых выдающихся своих произведений — повестью «В овраге», посвященной широкому изображению деревенской жизни. Один из эпизодов повести (там, где речь идет о ссылке сына старика Цыбукина — фальшивомонетчика Анисима) также восходит к сахалинским наблюдениям писателя⁴⁵).

Итак, из многих произведений Чехова, написанных в 90-х — начале 900-х годов, лишь в пяти («Гусев» — 1890 г., «Бабь» — 1891 г., «В ссылке» — 1892 г., «Убийство» — 1895 год, «В овраге» — 1899 г.) отразились в той или иной степени впечатления от его сахалинского путешествия и от наблюдений за жизнью каторжных. Казалось бы, впечатления эти проявились недостаточно широко в художественном творчестве писателя. Но на самом деле это не так. Даже если бы сахалинские наблюдения вообще не нашли прямого отражения ни в одном из рассказов или повестей Чехова, все равно мы с полной уверенностью могли бы сказать, что путешествие на о. Сахалин не прошло бесследно для всего творчества писателя; мало этого — явилось одним из поворотных пунктов в его творческом развитии.

После возвращения в Москву Чехов сказал:

— Да, много чего я там посмотрелся... **много чего передумал!**⁴⁶).

В этом главное — не в том даже, как непосредственно пре-
ломились новые наблюдения в художественном творчестве, а в
том, что путешествие на Сахалин расширило у Чехова чувст-
во жизни, чувство любви к обездоленной и поруганной самодер-
жавием Родине.

Сахалин для А. П. Чехова был тем местом, где, как в фоку-
се, отразились все противоречия общественной жизни дореволю-
ционной России — России убогой и обильной, могучей и бес-
сильной. После Сахалина писатель с особой остротой почувст-
вовал тюремную духоту, пустоту, скуку и тяжесть всей тогдаш-
ней русской жизни.

«Ах, подруженьки, как скучно! — восклицает он в письме
1891 года. — Если я врач, то мне нужны больные и больница;
если я литератор, то мне нужно жить среди народа... Нужен хоть
кусочек общественной и политической жизни, хоть маленький
кусочек, а эта жизнь в четырех стенах, без природы, без лю-
дей, без отечества, без здоровья и аппетита — это не жизнь...»
(XV, 255).

Но не только ощущение тяжести, пустоты и скуки вынес
А. П. Чехов после поездки на остров. Сахалин в значительной
степени усилил, отточил в писателе его протест против произ-
вола, дикости и невежества самодержавия. И совершенно не
случайно через полтора года после посещения острова Чехов
пишет «Палату № 6» — произведение, о котором молодой В. И.
Ленин рассказывал своей сестре: «Когда я дочитал вчера вече-
ром этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог остать-
ся в своей комнате, я встал и вышел. У меня такое ощущение,
точно и я заперт в «Палате № 6»⁴⁷).

Пребывание на Сахалине оставило в сознании А. П. Че-
хова неизгладимое впечатление на всю жизнь. Много месяцев
спустя после поездки ему снились в кошмарах страшные сцены
наказания людей плетью, голодные измученные дети и жен-
щины, умирающие каторжники с прикованными навечно к телу
тачками и т. д.

И все же поездка дала писателю много внутренних сил, все-
лила в него большее мужество, сделала его творчество еще бо-
лее идейным и целенаправленным. И, как следствие этого,
жизнь и деятельность А. П. Чехова в 90—900-х гг. стали еще
целесообразней и богаче, а его произведения этого периода
отличаются наибольшей политической остротой и «возмужа-
лостью».

Конечно, творческий рост А. П. Чехова после поездки на

Сахалин не **может** быть объяснен только сахалинскими впечатлениями. Этот **рост** находился под прямым влиянием и в связи с оживлением всей общественной жизни в стране в 90-е годы, вызванным экономическим подъемом, ростом рабочего класса и его революционного самосознания, развитием классовой борьбы и т. д. Но несомненно и то, что поездка на Сахалин была для А. П. Чехова новым толчком и новым «зарядом» для обоснования его критики существующего строя и более широких обобщений.

8. САХАЛИНСКИЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ ЧЕХОВА. ПОМОЩЬ ЧЕХОВА САХАЛИНСКИМ ШКОЛАМ

В работе, посвященной сахалинскому путешествию А. П. Чехова, нельзя не сказать и о том, что связь писателя с далеким островом не прерывалась и после его отъезда.

Чехов не мог ограничить свою задачу только сбором материалов для будущей книги. Он познакомился на Сахалине с многими людьми и стремился быть им полезным, хотел им помочь самым непосредственным образом. Об этом свидетельствует переписка Чехова с его сахалинскими знакомыми.

В рукописном отделении Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в Москве, где сосредоточена большая часть архива А. П. Чехова, хранятся многие письма сахалинцев к Чехову.

Прежде всего очень интересно отметить письма к Чехову ссыльно-поселенцев, из которых мы узнаем о внимательном и сердечном отношении писателя к страданиям простых людей, о его посильной помощи им. Так, например, поселенец Максим Хоменко (упомянутый в книге «Остров Сахалин» — X, 152), которому Чехов, будучи на острове, подарил телку, писал: «...Имею большую жажду узнать про Ваше драгоценное здоровье, да и в самом деле, что же я был бы за скотина, а не человек, при таком случае, как с Вашею милостью, Ваше высококородие, мне случилось первое в жизни встретиться, и, не заслуживши никакого внимания, получить такой от Вашей милости подарок. В таком случае должен я узнать про здоровье, чтобы знать как поминать и благодарить Вашему высококородию, а тем

более Вы велели мне по освобождению моего срока уведомить Вас моим письмом» (ЛБ, п. 61, ед. 65).

Ссылно-каторжный Семен Каратаев (тоже упомянутый в книге — см. X, 115), обращаясь к Чехову с просьбой о помощи, напоминает: «В бытность Вашу в прошлом году на о-ве Сахалине Вы осчастливили меня своим разговором относительно моей судьбы, завлекшей меня в каторжные работы» (X, 504). Чехов, действительно, помог ему, и один из чиновников сообщил впоследствии, что «Семен Каратаев искренно благодарит Вас за то, что Вы в таком маленьком человечке, как он, приняли участие» (ЛБ, п. 37, ед. 58).

Не забыл Чехов и Егора, чья трагическая история была так подробно изложена в книге «Остров Сахалин», не забыл и «старухи-хохлушки». (Он познакомился с ними в Александровске на квартире у Д. Булгаревича). В письмах на Сахалин Чехов просил оказывать им помощь, передавал для них деньги, одежду. Вот что отвечал Чехову Булгаревич 5 июня 1891 г.:

«Егор вышел на поселение и теперь строит дом на Корсаковской дороге. Бабушка от меня ушла и живет в больнице в качестве няньки. Как тот, так и другой часто ко мне приходят и посвящают во все свои радости и печали. Полушубок я передал Егору, за что он «приказал мне благодарить тебя и пожелать тебе от бога чего ты сам и просишь и молишь». Баба всегда каже про Вас, что хороший пан, не забув нас» (ЛБ, п. 37, ед. 53).

Чехов, будучи на Сахалине, внимательно присматривался и к местным чиновникам. Общий вывод его был неутешительным. Пьянство, невежество, зверство, жестокость — таковы, по его наблюдениям, отличительные черты тех, кому было поручено «исправлять» сотни осужденных.

Однако с некоторыми сахалинскими чиновниками, отличавшимися более гуманными взглядами (в книге они характеризуются как люди «разумные, добрые и благородные» — X, 284) у Чехова завязались дружеские отношения, которые не прерывались и после его отъезда. В письмах к Чехову его сахалинские знакомые рассказывали о тех событиях на острове, которые происходили после отъезда писателя. Из этих писем Чехов мог почерпнуть дополнительный материал для характеристики каторги. Как правило, все письма по тону очень мрачны и рисуют ужасающие картины сахалинской жизни: «Воровство и жестокости над ссылными не имели пределов. В этом принимали участие не только тюремные чиновники, но и врачи...» (И. С. Вологдин — ЛБ, п. 39, ед. 22).

Д. Булгаревич, которого Чехов в письме к сестре назвал «очень милым и добрым человеком» (XVI, 56), с ужасом писал: «Кругом поголовное пьянство, воровство, шантаж, ужасное бичевание каторжных. Дикий произвол временщиков не имеет вовсе границ» (23 апр. 1892 г.). И в другом письме: «Бывают случаи, что, не разобравши, по ошибке выдерут и свободного (Овчинников в Дербинском) или выдерут примерно беременную женщину (в Корсаковском посту Ярцев), но это по ошибке. Кто их разберет даже, кто свободный, а кто не свободный, на лбу ведь не написано, а люди не боги, ошибка всегда возможна» (8 декабря 1891 г. — ЛБ, п. 37, ед. 53).

С. Фельдман, в личной судьбе которого встреча с Чеховым сыграла большую роль (он вышел в отставку), писал: «Если вы видели Сахалин так, как он есть на самом деле, то, вероятно, заключение Ваше о нем не особенно благоприятное, теперь же, когда все распоряжения Кононовича из Петербурга основываются на доносах... все идет по системе кулачной расправы... Из писем сестры... видно, что для Александровской тюрьмы теперь не хватает одного палача Комлева, а бывают случаи, когда для наказания артели в 300 человек (дровотасков) вызывают палача Николку Толстых. В общем, невообразимый хаос...» (ЛБ, п. 61, ед. 27).

Именно Фельдман является автором малоизвестных воспоминаний о Чехове, опубликованных в 1904 году в херсонской газете «Юг». В этих воспоминаниях содержатся интересные подробности о пребывании Чехова на острове.

Не только С. Фельдман, но и многие другие могли бы подписаться под его словами о том, что пребывание Чехова на Сахалине «нас всех заставило очнуться от той безобразной жизни, свидетелем которой Вы были сами» (X, 543).

Письма сахалинцев к Чехову расширяют наше представление о пребывании писателя на Сахалине, еще раз свидетельствуя о том напряженном внимании, с которым писатель относится к далекой окраине своей Родины.

Мы знаем теперь, что Чехов долго не порывал связи с сахалинскими знакомыми, помогал ссыльным и после возвращения в Москву и оказал серьезную помощь сахалинским школам. Об этом необходимо рассказать подробнее.

* * *

Много ужасного видел великий русский писатель А. П. Чехов во время пребывания на Сахалине летом 1890 года. После

возвращения в Москву он писал: «Теперь, по воспоминаниям, Сахалин представляется мне целым адом».

Особенно Чехова потрясло положение сахалинских детей и подростков, которых, по его словам, воспитывала только «каторжная обстановка», так как «школа существует только на бумаге» (XV, 154).

О сахалинских школах Чехов писал в своей книге «Остров Сахалин» следующее: «На Сахалине 5 школ, не считая Дербинской, в которой за неимением учителя занятий не было. В 1889 — 1890 гг. обучалось в них 222 человека...

...Сахалинские школы бедны, обставлены нищенски, существование их случайно, необязательно и положение крайне неопределенно, так как никому неизвестно, будут они существовать или нет» (X, 270 — 271). Школами ведали начальники округов и смотрители тюрем, от которых зависел выбор и назначение учителя. Преподавали в школах ссыльные, которые иногда учителями не были⁴⁸). Назначать же учителей и даже сторожей из числа политических ссыльных было категорически запрещено.

В секретном письме к начальнику о. Сахалина приамурский генерал-губернатор Корф прямо говорил о недопустимости ссыльных из государственных преступников не только к педагогической деятельности, но даже сторожами при школах, так как и в этом случае они могут оказывать растлевающее влияние на юношество⁴⁹).

Но Чехов не ограничился только резкой критикой положения сахалинских школ в своей книге. Он хотел немедленно хоть чем-нибудь помочь школам, хоть что-нибудь сделать для сахалинских детей.

Не дожидаясь возвращения в Москву, он послал телеграмму своему брату — учителю И. П. Чехову:

«Попроси Мальшева прислать начальнику острова Сахалина генералу Кононовичу программу земских училищ список методик учебников. Изложи подробнее систему управления состав училищных советов. Закажи Суворину выслать употребительных учебников. Учеников старшего отделения 150, учеников младшего 300» (XV, 125)⁵⁰).

В полной мере организационная деятельность Чехова по оказанию помощи сахалинским школам развернулась после его возвращения домой, 27 января 1891 г. он писал тому же И. П. Чехову: «Купил книги. Очень много книг пожертвовано издателями и авторами. Я очень рад. Сахалинские школы будут иметь

свои библиотечки» (XV, 156). Многие знакомые писателя по его просьбе занялись усиленным собиранием книг для Сахалина. Сестре — М. П. Чеховой — писатель поручает: «Если соберется что-нибудь в пользу сахалинских школ, то немедленно извещай» (XV, 145). И через несколько дней спрашивает: «Не собрали ли что-нибудь в пользу сахалинских школ? Уведомьте. Что Левитан с подписным листом?» (XV, 150). Обращаясь к писателю А. С. Лазареву-Грузинскому, Чехов напоминает о его «обещании прислать, если найдется, книжек для сахалинских школ» (XV, 153)⁵¹.

Судя по письмам Чехова, он привлек к этому столь важному для далекого острова дела свою хорошую знакомую Л. С. Мизину, адвоката, писателя и театроведа А. И. Урусова, великого русского художника И. И. Левитана, известного книгоиздателя Ф. Павленкова, методистов В. П. Острогорского и Д. И. Тихомирова и многих других.

Эти хлопоты дали довольно значительный результат. Уже в начале февраля 1891 г. Чехов сообщал: «Вообще книг отправлена чертова пропасть. По счету приходится уплатить Суворину за учебники 666 рублей» (XV, 160). А 13 марта того же года он писал: «На Сахалин отправлено еще 2200 томов» (XV, 172).

Сестра писателя, М. П. Чехова, в письме к одному из авторов этой работы сообщила, что на Сахалин посылались не только учебники, но и художественная литература. Это указание М. П. Чеховой подтверждается найденным нами письмом Чехова, датированным 19 февраля 1891 г., где несколько страниц занимает перечисление книг, посланных на Сахалин. Оказывается, что были посланы (в числе многих других) такие, например, книги: «Записки» М. Глинки, «Принц и нищий» М. Твена, «Горе от ума» А. С. Грибоедова, комедии Д. И. Фонвизина, рассказ «Детвора» самого А. П. Чехова, отдельные издания Диккенса, Ф. Шиллера, Н. С. Лескова, Эзопа, М. В. Ломоносова, сочинения А. С. Пушкина, роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди», многие драматургические произведения В. Шекспира и многие другие⁵²).

Чехов не ограничился сбором книг среди его личных знакомых. В архиве писателя сохранилось официальное письмо секретаря Комитета грамотности: «Иван Николаевич Сахаров из Москвы передал нам Вашу просьбу о помощи 5 школам на Сахалине. Поэтому С.-Петербургский Комитет грамотности посылает через одесский книжный магазин «Нового времени» на

Сахалин 1470 книжек (по 294 книжки в каждую из пяти школ)» (ЛБ, п. 54, ед. 64).

Другой Комитет грамотности (при Московском обществе сельского хозяйства) решил послать в Корсаковскую школу библиотеку и обратился к Чехову с вопросом о способах отправки книг и о составе библиотеки (ЛБ, п. 54, ед. 65).

Писатель был озабочен не только сбором книг, но и немаловажными проблемами отправки их на далекий остров.

В неопубликованном письме Чехова от 19 февраля 1891 г. говорится: «Так как кроме учебников, на покупку которых я был уполномочен, я посылаю много и других книг, то я почел себя вправе обратиться в комитет Добровольного флота с просьбой, чтобы книги от Одессы до Сахалина были доставлены бесплатно».⁵³⁾

А спустя несколько дней — 28 февраля 1891 г. — писатель сообщил: «Комитет Добровольного флота уведомил меня, что книги будут доставлены на Сахалин бесплатно»⁵⁴⁾.

Чехов вообще входил во все мелочи отправки книг на Сахалин. Об этом мы узнаем из его письма (16 февраля 1891 г.) И. Н. Сахарову — московскому знакомому писателя, занимавшемуся отправкой книг: «Что касается упаковки, то я напишу о ней в магазин. Впрочем, если будет и плохая упаковка, то беда не велика: я напишу офицерам парохода и те положат наши книги в месте злачнем, месте покойнем.

Интересно бы скорее узнать: что посылает П(етербургский) комитет — учебники или книги для чтения?»⁵⁵⁾.

Легко можно представить, с какой радостью были встречены на Сахалине тысячи книг, поступивших туда по инициативе великого писателя. Письма сахалинцев к Чехову, к счастью сохранившиеся, достаточно красноречивы: «Большое спасибо за ту часть книг, высланных Вами, которая выпала на долю школ и народа Тымовска и округа», — писал 14 декабря 1891 г. начальник Тымовского округа Бутаков (ЛБ, п. 37, ед. 58). Другой знакомый Чехова — Д. Булгаревич — сообщал: «Книги пришли на «Костроме». Мы еще не успели их разобрать и расставить по Вашему желанию... Из книг, присланных Вами... я думаю дать несколько и детям государственных (преступников)» (5 июня 1891 г. — ЛБ, п. 37, ед. 53).

В наши дни, когда на Сахалине вместо 5 школ — более 500, и в каждой из них есть библиотеки (не говоря уже о районных и городских библиотеках, библиотеках при предприятиях, учреждениях и т. д.), тот подарок, который А. П. Чехов сделал

Сахалину в 90-х гг. XIX в., может показаться весьма скромным. Но нужно помнить о времени, когда писателю приходилось с такой настойчивостью собирать и отправлять на Сахалин свой скромный дар. Ведь тогда на острове никаких библиотек вообще не существовало. Очень интересную в этом отношении историю рассказал в одном из писем к Чехову упомянутый выше Булга-ревич. Он получил приглашение явиться в полицию «на совеща-ние, что выписать на 1891 г. для воображаемой библиотеки. Прихожу, — пишет он. — Публики собралось не особенно мно-го, однако было человек 7—8, все господа почтенные... Вот собрались. Сели. Потупились, а здесь является и сам инициа-тор, начальник Александровского округа Сережа (Таскин). По-смотрел он на публику... да и отправился наверх к Игнатьеву отдохнуть от проведенного в заботах по округу дня. Я сейчас же ушел, а за мной последовала и остальная братия. На сле-дующий только день я слышал, что Сережа, выпавшись у Иг-натьева, являлся еще в полицию и объявил своему секретарю, что по всему он видит, что подписка не состоится. Так вот какие у нас иногда бывают желания» (ЛБ, п. 37, ед. 53). В этих усло-виях присылка книг А. П. Чеховым имела очень большое зна-чение. И для нас сейчас воспоминание о помощи Чехова шко-лам и детям Сахалина очень дорого, ибо оно свидетельствует о том постоянном внимании, с которым великий писатель относил-ся к нуждам и запросам простых людей, жителей далекого ост-рова Сахалина.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В черновых рукописях «Острова Сахалина» сохранились строчки, которые Чехов не включил в окончательный текст, посчитав, очевидно, что они не очень подходят к общему стилю книги. Однако именно в этих словах наиболее полно отразилась глубокая вера писателя в прекрасное будущее отдаленного уголка Родины.

Вот что писал Чехов:

«Татарский берег красив, смотрит ясно и торжественно, и у меня такое чувство, как будто я уже вышел из пределов земли, порвал навсегда с прошлым, что я плыву уж в каком-то ином и свободном мире.

Быть может в будущем здесь, на этом берегу будут жить люди и кто знает? — счастливее, чем мы, в самом деле наслаждаться свободой и покоем» (X, 382).

Несмотря на тяжелые впечатления, вынесенные А. П. Чеховым от посещения Сахалина, будущее острова представлялось ему счастливым и свободным. Эти тяжелые впечатления не только не сделали его пессимистом, но, наоборот, укрепили в нем веру в торжество справедливости, чувство неизбежных изменений и на Сахалине.

Советская действительность далеко превзошла самые смелые мечты и надежды великого писателя. Волею трудящихся, под руководством Коммунистической партии наша Родина превратилась в свободное могущественное социалистическое государство рабочих и крестьян, в котором дружественные народы уверенно строят коммунизм.

И сейчас, когда народы СССР стоят на пороге 40-й годов-

щины Великой Октябрьской социалистической революции, расковавшей цепи рабства и пробудившей многочисленные массы ранее угнетенных людей к свободе, творческому труду, знаниям — особенно ощутимо величие свершившихся в стране изменений.

Вместе со всей страной за годы Советской власти огромные изменения произошли и в нашей Сахалинской области.

Канула в вечность мрачная слава о Сахалине как об острове ужасов и слез, месте царской ссылки и каторги. Нет уже Сахалина, описанного А. П. Чеховым, того острова, о котором бытовали пословицы: «Кругом вода, а посредине беда», «Вокруг море, а посредине горе». Есть теперь Советский Сахалин, крупный социалистический, промышленный и культурный район нашей Родины на Дальнем Востоке.

Усилиями советского народа, при постоянной помощи ЦК КПСС и Советского правительства Сахалин и Курильские острова стали неотъемлемой органической частью великого Советского Союза и превращены в крепкую и надежную опору Советской власти на дальневосточных рубежах.

«Островом сокровищ» справедливо называли Сахалин различные исследователи, а А. П. Чехов, уточняя и раскрывая это название, совершенно определенно указывал на огромные экономические возможности острова.

«Богатство воды, — писал он, — разнообразный строевой лес, трава выше человеческого роста, баснословное изобилие рыбы и залежи угля предполагают сытое и довольное существование целого миллиона людей» (X, 107).

Только Советская власть смогла поставить на службу простому человеку недоступные в прошлом несметные богатства Сахалина, превратив таким образом мечты о возможностях острова в живую действительность.

Эта действительность в ряде случаев вносит поправки в отдельные мысли А. П. Чехова, высказанные им о Сахалине, но эти поправки могли бы только порадовать великого писателя.

Так, например, писатель считал, что «верхняя треть острова (самая северная часть острова, включающая Охинский, Рыбновский и Восточно-Сахалинский районы — М. Т., Б. Б.) по своим климатическим и почвенным условиям совершенно непригодна для поселения» (X, 20).

Как бы порадовался Антон Павлович вместе с нами, если бы знал, что на этой верхней трети острова руками советских людей созданы крупные нефтяные промыслы, дающие народному

хозяйству страны миллионы тонн первосортной нефти, рыболовецкие и оленеводческие колхозы, объединяющие сотни людей из угнетенных прежде народностей Севера — гиляков (нивхов), эвенков, орочей. В этих районах выросли город Оха и поселки со средними школами и нефтяным техникумом, двумя культбазами, больницами, библиотеками и клубами, а самое главное, — здесь выросли замечательные советские люди, радостно создающие новую жизнь.

Вся страна высоко чтит имена награжденных орденами и медалями СССР знатных рыбаков-колхозников, нефтяников и строителей Севера. Высокое звание Героя Социалистического Труда присвоено нивху — бригадиру Рыбновского комбината Чайке Пойтану Герасимовичу.

Не менее разительные перемены произошли и во всех остальных районах Сахалина и Курильских островов.

В области действует 16 механизированных шахт с годовой производительностью в несколько миллионов тонн топлива, 16 леспромхозов, оснащенных большим количеством современной техники, 8 целлюлозно-бумажных комбинатов и одна фабрика картонных ящиков, построено много предприятий местной кооперативной промышленности.

Мы можем гордиться тем, что на типографской бумаге, изготовленной Чеховским бумажным комбинатом, печаталось юбилейное издание произведений А. П. Чехова, работают крупнейшие издательства Москвы и Ленинграда.

Но самой большой гордостью трудящихся Сахалинской области является рыбная промышленность, которой Антон Павлович в свое время предсказывал большую будущность.

На побережье Сахалина и Курильских островов расположено свыше трехсот рыбозаводов, консервных заводов, моторно-рыболовных станций и рыболовецких колхозов, где самоотверженно трудятся десятки тысяч рыбаков и рыбообработчиков, снабжая рыбной продукцией советских людей от Курил до далеких Карпат.

Работники рыбной промышленности успешно справились с заданием первого года шестой пятилетки.

Самоотверженный труд работников рыбной промышленности получил высокую оценку партии и правительства, выраженную в приветствии ЦК КПСС и Совета Министров СССР и награждении 503 человек орденами и медалями Советского Союза. Четырем работникам рыбной промышленности области присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда.

Выставка, посвященная Чехову, в Александровской библиотеке
им. А. П. Чехова.

Изучая Сахалин, А. П. Чехов с грустью отмечал, что земледелие на острове превращалось в одну из разновидностей каторжного труда.

Совершенно по-иному выглядит сельское хозяйство Сахалина в настоящее время, когда на освобожденной земле стали трудиться свободные советские люди — хозяева этой земли.

Сейчас в области насчитывается 60 сельскохозяйственных и 2 оленеводческих колхоза, 8 МТС и 13 совхозов.

Выполняя указания партии и правительства, труженики полей напряженно работают над дальнейшим развитием сельского хозяйства области, добиваясь в этом большом деле положительных успехов.

Рост народного хозяйства сопровождается непрерывным улучшением материального и культурного уровня трудящихся области.

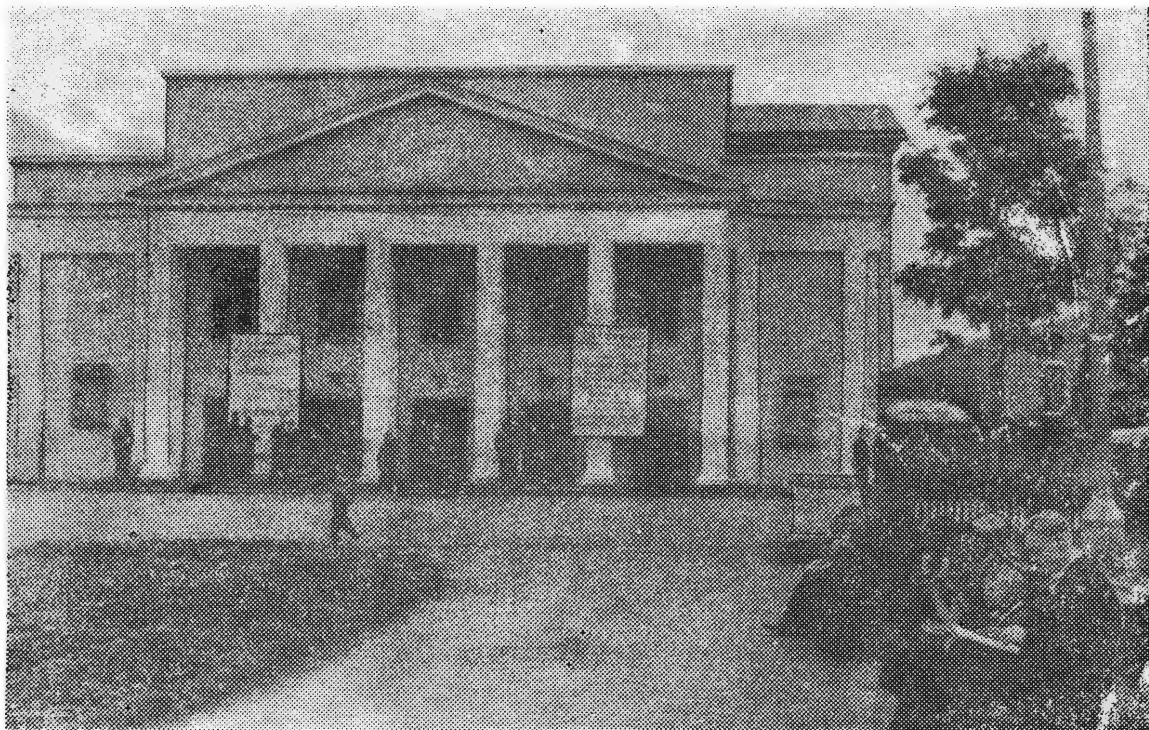
Во имя блага рабочих, колхозников и интеллигенции на Сахалине и Курильских островах открыты сотни столовых и магазинов, яслей и детских клубов, библиотек и кинотеатров, о чем не смел и мечтать А. П. Чехов в 90-е годы прошлого века.

Для удовлетворения культурных запросов населения в области создано и действуют 1100 государственных, профсоюзных и ведомственных учреждений культуры, в библиотеках насчитывается около 2200 тыс. книг, издаются 3 областных, 8 городских, 14 районных, 2 отраслевых и 6 многотиражных газет разовым тиражом около 170 тыс. экземпляров. Только в 1956 году в области продано литературы почти на 20 млн. рублей. На острове, где во время посещения великого писателя владели жалкое существование 5 начальных школ, в настоящее время работают свыше 500 средних, семилетних и начальных школ, два педагогических училища, четыре техникума, 3 мореходных училища, несколько горно-промышленных школ и ремесленных училищ.

Для сахалинских детей, о которых с такой болью и тоской писал А. П. Чехов в своей книге «Остров Сахалин», созданы все необходимые условия для учебы и отдыха, открыты Дома пионеров, спортивная и музыкальные школы, детская железная дорога, стадионы, парки и библиотеки.

В 1954 году на базе учительского института открыто первое высшее учебное заведение на Сахалине — педагогический институт.

Жена и друг великого писателя — Ольга Леонардовна Книппер-Чехова в своем приветствии первым выпускникам учитель-

Сахалинский областной драматический театр им. А. П. Чехова.

ского института писала в 1951 году: «Антон Павлович Чехов, имя которого так тесно связано с Сахалином, горячо приветствовал бы молодых учителей. Он очень высоко ставил звание педагога»⁵⁶).

На месте тайги, где во времена Чехова не мог пройти человек, выросли благоустроенные города и поселки рыбаков и шахтеров, лесников и бумажников, нефтяников и колхозников.

Но самым большим завоеванием, самой большой гордостью и богатством Сахалина и Курил являются люди — скромные, простые советские труженики, которые своим патриотическим трудом умножают добрую славу Сахалинской области. Освобожденный труд в условиях Советской власти по-настоящему раскрыл духовные богатства и творческие возможности трудящихся области, помог им стать мастерами своего дела, передовиками промышленности, сельского хозяйства и культуры.

Труженики Сахалинской области своими руками, светом и волей своего разума под руководством Коммунистической партии создают на «далеком», нужном и полезном острове новую счастливую жизнь, превратив его в район, о котором можно смело сказать: «Вода кругом, а в середине родной советский дом», и в этом доме, как и во всей нашей великой державе, горячо любят, изучают и свято чтут светлую память Антона Павловича Чехова.

Именем писателя назван областной драматический театр, Александровская городская библиотека, школа № 8 в Александровске, около которой по улице Чехова находится домик, где жил писатель в июле 1890 г. Имя писателя носят город и район на западном побережье острова, которых не существовало еще во время посещения писателем Сахалина и которые сейчас славятся своей рыбной промышленностью, целлюлозно-бумажным комбинатом, сельскохозяйственными и рыболовецкими колхозами, учреждениями культуры и развернувшимся строительством.

Трудящиеся г. Чехова и Чеховского района с любовью и гордостью носят имя великого писателя, собирают материалы о его жизни и деятельности, ведут деятельную переписку с родственниками писателя. В канун нового, 1957 года, сестра писателя М. П. Чехова писала трудящимся города и района: «Город Чехов-на-Сахалине — это лучшее доказательство признания народом заслуг Антона Павловича»⁵⁷).

Книги с чеховскими произведениями пользуются большой популярностью у сахалинских читателей, внимательно изучаются молодежью области.

Веру в светлое будущее, в победу разума и света пробуждали и пробуждают ныне гениальные чеховские творения, утверждающие право человека на свободную, независимую и счастливую жизнь. Вот почему трудящиеся Сахалинской области вместе со всем советским народом и передовыми людьми мира так высоко чтут память великого русского писателя Антона Павловича Чехова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) XX съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. I, М., 1956, стр. 582.

2) В. И. Ленин. Сочинения, т. 5, стр. 53.

3) У М. П. Чеховой подготовка Чехова к поездке ошибочно отнесена к осени 1890 г.

4) М. П. Чехова. «Поездка Чехова на Сахалин». «Красная панорама», 1929, № 28, стр. 10—11.

5) Документ этот погиб во время Великой Отечественной войны (см. Н. И. Гитович. Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. М., 1955, стр. 254).

6) Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Вып. 7, М., 1941, стр. 66.

7) Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Вып. 16, М., 1954, стр. 220, 221.

8) «Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова». М., 1939, стр. 234.

9) Центральный Государственный архив литературы и искусства (г. Москва) (ЦГАЛИ). Ф. 549, № 22.

10) Центральный Государственный архив РСФСР Дальнего Востока (г. Томск) (ЦГА РСФСР ДВ). Ф. 1133, оп. I, ед. хр. 490, л. 70.

11) Там же, ф. 1133, оп. I, ед. хр. 522, л. 1, 1 об.

Подлинник документа хранится в г. Томске, а не в Хабаровске, на который ошибочно ссылается Н. И. Гитович в книге «Летопись жизни и творчества А. П. Чехова». М., 1955, стр. 3 и 254. В Хабаровске хранится лишь копия этого документа.

12) Г. Малиновский. Чехов на Сахалине (из воспоминаний очевидца М. Л. Ненюкова). «Советский Сахалин», 1935 г., 30 января, № 25.

Изложение беседы с М. Л. Ненюковым было помещено также в газете «Известия» (1935 г., 30 января, № 25). Здесь содержатся некоторые дополнительные сведения о пребывании Чехова на Сахалине: «Если видит — человек плохо живет, — поможет. К примеру чухонец Эндрик бедовал с женой в Онорах: только вышел тогда на поселение. Чехов пять рублей дал — в то время деньги большие. Или татарину Чебоксарову тоже, на ноги стать помог».

¹³⁾ Тетрадка М. Дмитриева находится сейчас не в рукописном отделе Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, как об этом пишет М. Семанова (Х, 534), а в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве (фонд 549, № 290).

¹⁴⁾ Вот начало первого стихотворения М. Дмитриева из тетрадки, переданной им А. П. Чехову:

Минуло семь лет, как в каторге живу,
Работы непосильны на хребте несуг:
Голоден, оборван, отдых не дают
И подчас частенько ни за что секут.
Прав ли ты, виновен, что тут разбирать,
Где стоишь, ложись, начинай кричать.
Не послушал, силой на землю кладут
И тогда без счету до крови секут.

Любопытна и «Песня сахалинцев»:

Утром рано встают
На работу идут
Вплоть до полночи.
Если кто попал впросак
Или сделал что не так
Награду получай.
Палки, розги, кулаки
Карцер, кнуты и ключи —
Булки каторжных
Кормят в сутки раз водой
Будто точно на убой
Чтоб не разжиреть

и т. д.

И, наконец, стоит привести еще отрывок из стихотворения Дмитриева с весьма торжественным названием: «На память о приамурском генерал-губернаторе в приезд его на о-в Сахалин, в п. Корсаковский в весну 1890 г.». Содержание же стихотворения весьма критичное:

Корф по росту невелик,
Могущ и силен властью.
Тучен телом. Грозен лик,
Не попадай с просаком.
Ходит бодро, молодцом
Гроза и царь Востока.
Провинится кто пред ним —
Резолюция жестока.
В сутки жизни он лишит
Каторжную душу,
А свободу в один миг
Выбросит на сушу.
Но в Корсакове у нас
Наши южны власти
Обморочут живо, в час,
Не боятся страсти,
Они хитростью берут

Таких вельмож могучих
Без запинки нагло лгут
О песках сыпучих...

и т. д.

Начало одного из стихотворений М. Дмитриева под заглавием «Борец» Чехов процитировал в своей книге, не называя имени автора (X, 166).

Личное дело ссыльно-каторжного М. Дмитриева найдено И. А. Сенченко в ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1166, оп. 2, ед. 454.

¹⁵ «Юг» (Херсон), 1904, 14 июня, № 1817.

¹⁶ К сожалению, не сохранились скульптурки, которые Чехов, будучи на Сахалине, заказал у местного мастера Северова. По архивным материалам известно, что у Чехова было около 10 небольших скульптур: «Майдан», «Прикованный», «Кобыла» и т. д. (см. ЛБ, ф. 331, п. 26, ед. 3-е/10).

М. П. Чехов вспоминал: «Брат Антон привез с собой из Сахалина гипсовые группы, исполненные местным каторжником-скульптором и изображавшие сцены из повседневного сахалинского быта: телесное наказание, приковывание провинившегося к тачке и т. п.; к сожалению, эти группы были сделаны из плохого материала и скоро рассыпались сами собой». (М. П. Чехов. Вокруг Чехова. Academia, М.-Л., 1933, стр. 204).

⁴⁷ А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Ильиче. М.,

¹⁸ «Тюремный вестник», 1895, № 5, стр. 251.

¹⁹ Особенно поразил Чехова смотритель рыковской тюрьмы Ф. Ливин. «Постоянная заботливость г. Ливина о людях и, в то же время, розги, упоение телесными наказаниями, жестокость, как хотите, сочетание ни с чем несообразное и необъяснимое. Капитан Венцель в гаршинских «Записках рядового Иванова», очевидно, не выдуман» (X, 125).

О зверствах этого человека сообщает в своих воспоминаниях «Восемь лет на Сахалине» и И. П. Миролубов (СПб, 1901, стр. 102): «На Сахалине сложилась поговорка, что Л(ивин) не может напиться утором чаю, не перепоров предварительно десятка полтора-два каторжных».

Этот самый Ливин, которого даже сахалинская администрация за зверство сочла нужным выдворить с Сахалина, попытался в 1896 г. использовать в спекулятивных целях опубликованную уже тогда книгу Чехова. Стремясь вернуться на Сахалин, он в письме к Приамурскому генерал-губернатору цитирует то место из книги Чехова, где дается положительная оценка санитарного состояния рыковской тюрьмы, в которой он был смотрителем. Однако Ливин предусмотрительно не привел слов Чехова о его безмерной жестокости (ЦГА РСФСР ДВ, ф. 702, оп. 2, ед. хр. 349, л. 11—16. Письмо Ливина обнаружила работник архива т. Хаскина).

Разоблачения Чехова, очевидно, не давали покоя бывшему сахалинскому чиновнику. И несколько лет спустя Ф. Ливин, считая себя «оклеветанным», решил для «восстановления истины» написать статью в «Тюремный вестник». Но в собственной же статье он проявил такую невиданную страсть к наказаниям, что даже редакция «Тюремного вестника» вынуждена была неоднократно сопровождать текст его статьи то вопросительными, то восклицательными знаками:

«Все наказания, — писал Ливин, — (и телесные в особенности) я обставлял возможно большей парадностью, с целью повлиять на моральные (?) чувства людей» Или: «Приказав подуть розог, я предупредил людей, что за малейший звук из фронта виновный будет застрелен (!) мною на месте». («Тюремный вестник», 1901, № 10, стр. 436, 476).

²⁰⁾ Чехов привез с собой подобный акт медицинского обследования: «1885 года ноября 26 дня врач Александровского окружного лазарета в присутствии смотрителя Дуйской тюрьмы освидетельствовал в состоянии здоровья Дуйской сс. каторжной тюрьмы Ивана Лосева, причем оказалось, что Лосев повидимому имеет отроду 24 года, телосложения довольно крепкого, костная и мышечная системы развиты хорошо, грудные и брюшные органы, а также и кровеносные системы нормальны, росту 2 ар. 6½ вер., волосы на голове темнорусые с проседью, бровья и усах русые, бороде темнорусые, глаза серые, нос с горбом, продолговатый, рот средний, подбородок круглый; особые приметы — на правой щеке шрам, знаки наказания: не имеет. Может перенести наказание до девяности ударов плетью. В чем подписом и приложением печати свидетельствуется». (ЛБ, ф. 331, п. 26, ед. 3-е/1).

²¹⁾ В «Списке ссыльно-каторжных, прибывших из Европейской России на пароходе «Владивосток» 20 мая 1887 г.» упоминается и Егор Ефремов (ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1133, оп. I, ед. хр. 172, л. 11). К сожалению, «Статейный список» Егора Ефремова, хранившийся в архиве Дальнего Востока (ф. 1163, оп. 3, ед. хр. 429) в настоящее время утрачен.

²²⁾ «Мир божий», 1902, № 9, стр. 63.

²³⁾ М. Семанова. Чехов в школе. Л., 1954, стр. 31. ↗

²⁴⁾ М. Членов. Чехов и медицина. «Русские ведомости», 1906, № 91, стр. 3.

Брат писателя — М. П. Чехов — вспоминает: «Своему же «Острову Сахалину» он придавал серьезное значение. Это я вывожу из его фразы, с которой он раз обратился ко мне:

— А что, Миша, если за эту штуку да мне дадут степень доктора медицины *honoris causa*, а?» («Журнал для всех», 1905, № 7, стр. 420).

Знакомый Чехова еще по студенческим годам, доктор Г. И. Россолимо в своих воспоминаниях пишет, что он предложил Чехову «предпринять шаги для получения звания приват-доцента, для чего требовалось запастись ученой степенью доктора медицины. «Но у меня нет диссертационной работы. Разве только предложить для этой цели «Сахалин»?

— Ну и что же, — сказал я, — и очень просто.

Он дал мне согласие переговорить по этому вопросу с тогдашним деканом, проф. И. Ф. Клейном, что я и сделал. Однако я потерпел полнейшее фиаско» («Чехов в воспоминаниях современников». Изд. 2, М., 1954, стр. 589).

²⁵⁾ В. И. Ленин. Сочинения, т. 5, стр. 483.

²⁶⁾ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1133, оп. I, ед. хр. 490, л. 70.

²⁷⁾ Сб. «А. П. Чехов». Изд. «Атеней», Л., 1925, стр. 199. См. также письма читателей к Чехову — ЛБ, п. 40, ед. 55; п. 49, ед. 5; п. 59, ед. 63.

28) Нельзя не отметить, впрочем, что реакционной критикой была сделана попытка принизить значение книги Чехова «Остров Сахалин». Эту попытку предпринял Н. Ежов в своей грубо-клеветнической статье о писателе, помещенной в «Историческом вестнике» (1909, № 8). Статья Ежова была тогда же сурово осуждена передовой общественностью.

²⁹⁾ «Колосья», 1893, № 11, стр. 237 — 238.

³⁰⁾ Н. С. Лобас. Каторга и поселение на о-ве Сахалине. 1903, стр. 7.

Даже в редакционной статье официального журнала «Тюремный вестник» было сказано, что русское общество было впервые ознакомлено с положением на Сахалине «известною книгою А. П. Чехова «Остров Сахалин» («Тюремный вестник», 1901, № 6, стр. 278).

³¹⁾ 3 декабря 1902 г. О. Л. Книппер писала А. П. Чехову: «Приходила барышня из Петербурга. Хотела тебя видеть. Принесла отчет сестры (милосердия) Мейер, которая работает на Сахалине ...» Работу свою Мейер выбрала под влиянием книги Чехова о Сахалине. Отчет ее (напечатанный в выдержках в «С.-Петербургских ведомостях», 1902, 23 ноября, № 321) с этого и начинается:

«Шесть лет тому назад мне попала в руки книга А. П. Чехова «Остров Сахалин», и мое желание жить и работать среди осужденных благодаря ей приняло определенную форму и направление и установилось на Сахалине, как на месте, представляющем каторгу по преимуществу» (XIX, 548).

А. П. Чехов отвечал: «Про г-жу Мейер я слышал, но отчета ее не видел» (XIX, 383).

³²⁾ В. Дорошевич. Как я попал на Сахалин. М., 1903, стр. 41.

³³⁾ Н. И. Гитович. Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. М., 1955, стр. 4.

³⁴⁾ Сб. «А. П. Чехов». Изд. «Атеней», Л., 1925, стр. 207.

³⁵⁾ М. П. Чехов. Антон Чехов и его сюжеты. М., 1923, стр. 76. Т. Щепкина-Куперник в своих воспоминаниях пишет, что после появления чеховской книги «на Сахалин было обращено внимание: там начали строить приюты, ясли, школы и т. д., а главное — была отменена система наказания плетью, потрясая Чехова до того, что он и после часто видел во сне эти ужасные сцены и просыпался в холодном поту» («Чехов в воспоминаниях современников». Изд. 2, М., 1954, стр. 316).

³⁶⁾ Следует лишь отметить отчет А. П. Соломона, который будучи начальником Главного тюремного управления (после Галкина-Враского) съездил на Сахалин. Хотя он не решался «высказать окончательного суждения о целесообразности сохранения каторги на Сахалине», но пройти мимо тех ужасающих условий, в которых находились ссыльные на острове, А. П. Соломон не смог, и в его официальном отчете появляются мысли, перекликающиеся с некоторыми выводами Чехова:

«Об исправительном значении сахалинской каторги не может быть и речи; напротив того, все, что мне удалось узнать о внутренней жизни сахалинских тюрем, приводит меня к глубокому убеждению, что пребывание в этих тюрьмах безусловно губительно не только для людей нравственно неустойчивых, но и для тех, которых привело на каторгу несчастное стечение обстоятельств и преступлений ха-

рактера формального, каковыми являются многие, даже тяжкие нарушения воинской дисциплины. В этом мнении сходятся все, с кем только мне ни приходилось говорить». («Тюремный вестник», 1901, № 2, стр. 74).

³⁷⁾ Сб. «А. П. Чехов». Изд. «Атеней». Л., 1925, стр. 201.

³⁸⁾ В. Г. Короленко. Собр. соч., т. 9, М., 1955, стр. 737.

³⁹⁾ «Мир божий», 1902, № 9, стр. 63.

Совсем недавно, в журнале «Москва» (1957, № 2), появилась интересная статья К. И. Чуковского «Антон Чехов». Высоко оценивая все творчество великого русского писателя, автор статьи, однако, делает исключение для книги «Остров Сахалин». По мнению К. И. Чуковского, эта «книжка ни на что не пригодилась.

Никакого общественного резонанса она не вызвала...

На всем ее протяжении он (Чехов) ни разу не дает себе, как художнику, воли... Невозможно и догадаться о том, что эта книга написана мастером художественной прозы».

Материал, собранный в 6 главе нашей работы, где выясняется общественно-политическое и литературное значение сахалинских очерков Чехова, дает, как нам кажется, достаточно оснований считать эти упреки К. И. Чуковского глубоко несправедливыми. Не только для советских читателей, но и для многих современников писателя большое общественно-политическое значение «Острова Сахалина» было несомненным (достаточно вспомнить, что писал по этому поводу А. Ф. Кони).

Нет оснований сомневаться и в художественных достоинствах книги Чехова, если не забывать, разумеется, что это не роман или повесть о каторге и каторжниках, а публицистика, очерки. Естественно, что судить книгу о Сахалине следует по законам того жанра, который сам писатель для себя выбрал.

Но нельзя не видеть, что и в той книге, которая была написана Чеховым на основе его сахалинского путешествия, есть явные доказательства того, что «Остров Сахалин» был создан великим художником. Можно вспомнить сахалинские пейзажи, картину наказания плетью, после знакомства с которой у С. А. Толстой «сердце надорвалось», щедринские интонации в описании Дуйской тюрьмы и т. д.

Стоит отметить, что сам К. И. Чуковский, чувствуя, очевидно, неоправданность столь отрицательной оценки знаменитой книги Чехова, в той же самой статье (в журнале «Москва», 1957, № 2) признал, что Чехов с «**неотразимой наглядностью**» (курсив наш — М. Т., Б. Б.) «подробно, неторопливо, методично и тщательно, с цифрами и фактами в руках показывает, какая неумная чепуха — вся эта царская каторга, это бездарное издевательство имущих и сытых над бесправной человеческой личностью...»

Не означает ли это, что Чехов блестяще выполнил ту задачу, которую он ставил перед собой?

Можно отметить еще одно неправильное указание К. И. Чуковского: «Из его (Чехова) бесчисленных друзей и знакомых ни один, буквально ни один, даже отдаленно не понял ни смысла ни цели его поездки». Это мнение опровергается теми отрывками из писем И. Щеглова, В. Немировича-Данченко, В. Тихонова, которые мы привели во второй главе нашей работы.

⁴⁰⁾ «Юг» (Херсон), 1904, 7 июля, № 1811.

⁴¹⁾ «Юг», 1904, 14 июля, № 1817.

⁴²⁾ «Юг», 1904, 7 июля, № 1811.

Неизвестно, о каком письме Чехова идет речь, и к кому из «добрых друзей» писателя оно было адресовано. Может быть, Фельдман имеет в виду письмо Чехова к нему самому? В ноябре 1892 г. Фельдман направил Чехову письмо с просьбой о протекции (в это время он вышел в отставку и жил у себя на родине, в Херсоне).

Чехов откликнулся очень быстро, о чем мы узнаем из другого письма Фельдмана, датированного 27 ноября 1892 г.: «Письму Вашему был несказанно рад, я не думал, чтобы Вы, постоянно занятый работой, сумели уделить частичку времени, чтобы ответить мне так скоро...» (ЛБ, п. 61, ед. 27). Возможно, что именно в этом письме Чехов и сообщил Фельдману о законченной пьесе «Генерал Кокет». К сожалению, письмо Чехова Фельдману до сих пор не найдено.

См. также заметку в газ. «Одесские новости» (1909, № 6557), исходящую также от Фельдмана. Там сказано, что «Чехов во время своего пребывания на Сахалине, именно в 1890 г., — задумал и написал пьесу из местной жизни под названием «Генерал Кокет», в которой выведены были некоторые деятели Сахалина. Пьеса эта в чтении самого автора производила сильное впечатление живым и точным изображением действующих лиц. В 1892 г. пьеса эта, как видно из письма А. П., была готова к печати, но не вышла в свет по неизвестным причинам».

Воспоминания С. Фельдмана впервые введены в научный оборот Н. И. Гитович. См. ее книгу «Летопись жизни и творчества А. П. Чехова» (М., 1955, стр. 274—277).

⁴³⁾ М. Семанова. Чехов в школе. Л., 1954, стр. 126.

⁴⁴⁾ М. П. Чехов. Антон Чехов и его сюжеты. М., 1923, стр. 125.

⁴⁵⁾ Там же, стр. 146.

⁴⁶⁾ «Чехов в воспоминаниях современников» Изд. 2, М., 1954, стр. 166.

⁴⁷⁾ А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Ильиче. М., 1934, стр. 44 — 45.

⁴⁸⁾ Д. Булгаревич, ведавший одно время школьными делами на Сахалине, писал Чехову о проблеме учительских кадров на острове: «Ручаться за хороший результат возможно только относительно рыковской школы, где учителем является бывшая курсистка, жена политического — Александрина. В других училищах учителя остались те же». (ЛБ, п. 37, ед. 53).

Прошло почти десять лет после посещения Чеховым Сахалина, а положение со школами нисколько не изменилось. В 1899 г. на Сахалине «только 5 учителей были не из числа ссыльных, и, в общем, преподавательский персонал крайне неудовлетворителен как по неподготовленности к делу, так даже и по вредному нравственному влиянию на учащихся» («Тюремный вестник», 1901, № 6, стр. 293 — 294).

⁴⁹⁾ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 702, оп. 3, ед. хр. 81, л. 3.

⁵⁰⁾ Телеграмма эта приводится с исправлением опечатки, о которой сообщает Чехов в неопубликованном письме к Кононовичу: «Была она (телеграмма) получена братом в августе и к тому же еще с опечаткой, которая делала ее непонятно: вместо «150 учеников»

было написано «150 учебников» (ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1133, оп. 1, ед. хр. 490, л. 67).

⁵¹⁾ В ответ на просьбу Чехова о книгах для Сахалина Лазарев-Грузинский писал 16 янв. 1891 г. «...Постараюсь сделать подписку и прислать Вам хоть денег с подписным листом». (ЛБ, ф. 331, п. 49, ед. 12).

⁵²⁾ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1133, оп. 1, ед. хр. 490, лл. 68 — 69 об.

⁵³⁾ Там же, л. 69 об.

⁵⁴⁾ Там же, л. 71.

⁵⁵⁾ Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Вып. 16, М., 1954, стр. 182 — 183.

⁵⁶⁾ «Молодая гвардия» (г. Южно-Сахалинск), 1951, 13 июля № 83.

⁵⁷⁾ М. П. Чехова. Желаю успехов и счастья. «Ленинский путь» (г. Чехов Сахалинской обл.), 1957, 1 янв., № 1 (841).

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	5
1. Причины поездки Чехова на Сахалин	7
2. Подготовка к путешествию	12
3. Путешествие Чехова на Сахалин	
Пребывание на острове	19
4. Работа над книгой о Сахалине	31
5. Книга Чехова «Остров Сахалин»	36
6. Общественно-политическое и литературное значение книги Чехова «Остров Сахалин»	56
7. Отражение сахалинских впечатлений в художественном творчестве Чехова	66
8. Сахалинские корреспонденты Чехова	
Помощь Чехова сахалинским школам	74
Заключение	81
Примечания	89

А. П. ЧЕХОВ НА САХАЛИНЕ

Авторы: *Марк Вениаминович ТЕПЛИНСКИЙ,*
Борис Николаевич БУРЯТОВ.

* * *

Тех. редактор В. Гевлич. Корректор Н. Нелюбина.

Книжная редакция «Советский Сахалин».
ВМ 01437. Сдано в набор 5/VI-57 г. Подписано к печати 25/IX-57 г.
Формат бумаги 60 x 84. Объем 6¹/₈ п. л.

Тир. 3000. Тип. «Бланкоиздательство», г. Южно-Сахалинск. Зак. 2565.

Цена 1 р. 35 к.
